Альберт Кайков

Флотские БУДНИ

Альберт Кайков

ФЛОТСКИЕ БУДНИ

Новосибирск 2011

ББК 84(2Рос-Рус)
К14

Кайков А.С.
К14 **Флотские будни.** Повесть. Редакционно-издательский центр «Светоч»
Правления Новосибирской областной общественной организации «Общества книголюбов» - г. Новосибирск, 2011г.

Кайков А.С.,2011г.
Редакционно- издательский центр «Светоч»
Правления Новосибирской областной общественной
Организации «Общество книголюбов», 2011г.

ПРИТЯЖЕНИЕ МОРЯ

В заключительной части повести «Мальчики с бантиками», посвященной Соловецкой школе юнг, выпускник этой школы, участник Великой Отечественной войны на Северном флоте Валентин Пикуль, ставший потом флагманом нашей современной связанной с флотом литературы, пишет: «Человечество зарождалось в море. Не от того ли в венах людей и поныне буйно пульсирует кровь – соленая, как и вода океанов? Не потому ли мы не устаем подолгу следить за поступью волн в безбрежном море, которое пропитано солнцем и вечностью?»

От кого и как произошел наш род людской – от вышедшего из моря на сушу его доисторического предка, от хвостатых, лазающих, прыгающих по деревьям существ, как утверждал Дарвин, или его предок спустился на Землю с какого-то небесного тела уже в готовом, сформированном до конца виде, как пытаются доказать некоторые ученые, - это для отношения Человека с Морем не так уж и важно. Ну а то, что мы не устаем подолгу смотреть на поступь волн в безбрежном море, пропитанном солнцем и вечностью, это Валентин Пикуль очень хорошо, верно сказал. Значит, в нас есть что-то такое, что роднит нас с морем и, как магнитом, притягивает к нему. В связи с этим на Земле и родятся люди, с детства влюбленные в море.

К их числу относится и автор представляемой повести «Флотские будни» - Альберт Сергеевич Кайков. В ней он рассказывает о своей корабельной службе под именем лейтенанта Алексея Каткова после окончания Высшего военно-морского училища во Владивостоке.

Мечтая о флоте в одной из новосибирских школ, он представлял, что будет проходить на нем службу в нарядном белом кителе и белых ботинках. В действительности же вахту на ходовом мостике корабля ему пришлось нести в видавшей виды штормовке из кожзаменителя и начинающих зеленеть от соприкосновения с соленой морской влагой сапогах.

Да и корабль для службы ему достался не какой-то там прославленный крейсер или эсминец, а относящийся к классу катеров обычный большой морской охотник, который нес службу по охране водных рубежей в районе Камчатки и находящихся поблизости от нее северных Курильских островов. Но это не помешало Кайкову всей душой полюбить и море, и свой корабль с его командой, которые стали для него близкими, как родные.

Хотя климат Камчатки и расположенных около нее островов суров, но природа там очень красива, живописна, а животный мир богат, разнообразен. И это наряду с показом боевой службы, героического прошлого того края тоже нашло отражение в повести «Флотские будни». И нашло не как-то там отвлеченно, а через показ рыбалки и охоты, которыми герои повести занимались в свободное от боевой службы время. В частности, очень интересно, увлекательно описана в повести охота Каткова и старшины его боевой части Щербаня на бурых медведей, когда они с помощью карабинов уложили крупного косолапого.

И в целом повесть написана интересно, увлекательно. Написана живым, образным языком, характерным для человека, который хорошо знает и любит то, о чем пишет,

в чем сам принимал участие. Большую роль тут сыграло и то, что Альберт Сергеевич не новичок в литературе. До этого им было издано несколько сборников стихов, а также выпущены книги «Потерянное детство», «На заполярной широте», которые тоже имеют живой, образный характер.

К сожалению, наш род людской устроен так, что в нем на всех широтах Земли как среди гражданского населения, так и в воинских соединениях водятся существа, называемые бюрократами. В повести Альберта Кайкова это существо представлено в образе начальника отдела кадров Камчатской флотилии, капитана первого ранга Кашпура.

По своему тупому чиновничьему произволу он корабельного артиллериста Алексея Каткова с морского охотника перевел на сторожевой корабль в качестве командира минно-торпедной боевой части, где главным оружием были торпедные аппараты. В военно-морском училище Катков обучался на артиллерийском факультете, где эти аппараты не изучались. На морском охотнике, где он служил, их не было, так что Алексей не имел возможности познакомиться с их устройством. Это поставило его в сложное положение, которое усугублялось еще и тем, что корабль, на который он был переведен, входил в состав эскадры, направляемой с Дальнего Востока в район Суэцкого канала, где в 1958 году возник кризис в ходе Израильско-Египетской войны.

Слава Богу, Организации Объединенных Наций удалось загасить этот кризис. И эскадра с полпути возвратилась к берегам Камчатки. Теперь Катков мог вернуться на свой морской охотник, где его место командира артиллерийской боевой части оставалось свободным и где его ждала ставшая для него родной корабельная команда.

Но на пути к этому встал все тот же самый зарвавшийся кадровый бюрократ Кашпур, из-за своей тупой чиновничьей спеси не захотевший исправить допущенную им ошибку. Возвращению Алексея на свой охотник помогло лишь его обращение к адмиралу, командовавшему Камчатской флотилией. Но Кашпур за это обращение затаил на Каткова такую злобу, что потом свел с ним счеты - подвел его к увольнению с флота по сокращению.

С тех пор прошло много лет. Сейчас возраст бывшего офицера флота Альберта Сергеевича Кайкова близится к восьмидесяти годам. Но его память о море, о флоте не гаснет. Любовь к ним в его сердце сохраняется до сих пор, о чем свидетельствует эта его повесть.

Николай Дедов,
Председатель Сибирского регионального
Совета юнг огненных рейсов Великой
Отечественной войны, принимавший участие
в этой войне на морских охотниках Северного
Флота.

ФЛОТСКИЕ БУДНИ

повесть

Охотское море, мрачное и суровое, вздымало высокие волны, которые ветер гнал на запад. Его поверхность походила на стиральную доску. Волны в пять баллов изогнутыми линиями бежали одна за другой, стараясь догнать друг друга, но им это не удавалась сделать. Пенистые барашки бурлили на гребне волн, и темное море казалось седым от их пены. Наступал осенний период штормов, день сокращался, ночи удлинялись. Небо было затянуто низкими свинцовыми тучами, из которых сыпалась морось, не переходя в дождь. Влажность была как в бане. Вода оседала на металлических частях ходового мостика корабля и штормовке вахтенного офицера, собравшись в каплю, она стекала на палубу. Алексей Катков надел капюшон на фуражку, чтобы ее не унесло ветром и влага не попадала за воротник. Он мог спуститься в штурманскую рубку, которая находилась перед ходовым мостиком немного ниже его, и из нее управлять кораблем. Там находились те же приборы, что и на ходовом мостике: машинный телеграф, штурвал, компас, переговорные трубы, телефоны, соединяющие рубку со всеми боевыми постами. В рубке было сухо, тепло и уютно, но он не мог себе этого позволить, когда сигнальщик находится на мостике, а впередсмотрящий - на палубе в носу корабля. Видимость была минимальной, за плотной завесой облачности не был виден маяк на мысе Лопатка – самой южной оконечности полуострова Камчатки. Алексей внимательно всматривался в море большими круглыми глазами. Его лицо с небольшим прямым носом, усами и пухлыми щеками было похоже на голову буревестника, парящего над волнами и высматривающего добычу. Во время войны этот участок моря был заминирован, и по курсу корабля в любой момент могла показаться плавающая мина. Он оторвал взгляд от моря и посмотрел на гирокомпас – рулевой выдерживал заданный курс. Затем вновь перевел взгляд на бегущие за бортом волны и вспомнил свои юношеские мечты, когда собирался поступать в военно-морское училище. Он представлял себя в белом кителе, в белых ботинках, идущим по палубе корабля, за бортом которого до горизонта раскинулась голубая гладь океана. Чтобы приблизить осуществление этой мечты, в девятом классе пошел на курсы «Добровольного общества содействия флоту», где успешно прошел курс молодого матроса. Ему на всю жизнь запомнилась практика хождения на шлюпке по Оби на веслах и под парусом. Шлюпки «ДОСфлоту» базировались на воднолыжной

станции города Новосибирска, которая располагалась на песчаной косе в районе современного коммунального моста. На службе многое оказалось не таким, как в мечтах. Вот и сегодня он стоит на ходовом мостике, одетый в штормовку из кожзаменителя, на ногах – сапоги, а не в белом кителе и белых ботинках

Большой охотник за подводными лодками с бортовым номером 398 нес дозор у западного побережья Камчатки. При килевой качке его нос слегка приподнимался на волну, затем скатывался вниз, зарываясь в воду между двух волн, и вновь взбирался на очередную волну. В средней части корабля на ходовом мостике качка ощущалась слабо, зато на носу корабля впередсмотрящий матрос Коршунов, держась обеими руками за леерное ограждение, чувствовал себя, как на качелях. На нем поверх штормовки был надет спасательный жилет красного цвета, за пояс он был пристегнут стальным тросиком к леерному ограждению.

Для корабля и экипажа это была привычная погода, им приходилось видеть настоящие шторма и даже льды Северного Ледовитого океана. Всего два года назад корабль совершил переход по Северному морскому пути из Белого моря в Авачинскую губу на Камчатке. Группа боевых кораблей и подводных лодок впервые совершала переход по Северному Ледовитому океану под флагом адмирала Батырева. За успешный поход Батырев был назначен начальником Высшего военно-морского училища во Владивостоке, а корабли вошли в состав бригады охраны водного района Камчатской флотилии.

Большой охотник походил на хищную рыбу. Его обтекаемая продолговатая форма напоминала акулу, всплывшую на поверхность воды. Его борта невысоко поднимались над водой, а надстройка напоминала плавник рыбы. В носовой части на баке располагалась вращающаяся стальная башня 85 – миллиметровой пушки. Ее длинный ствол грозно выглядывал из амбразуры. По бортам размещались две реактивные установки для стрельбы ракетами с глубинными бомбами. В средней части на шкафуте находились два скорострельных зенитных автомата со спаренными 37- миллиметровыми стволами, которые предназначались для стрельбы по воздушным и надводным целям. На кормовых скатах лежали глубинные бомбы, которые походили на столитровые бочки, выкрашенные в черный цвет. Это - главное оружие против подводных лодок. В надстройке за пушкой размещались рубки радистов, гидроакустиков и радиометристов. Выше - ходовая рубка и мостик. За надстройкой - мачта и труба. На мачте виднелся марс – круглая площадка, обнесенная ограждением, для наблюдений.

Шел сентябрь 1957 года. Международная конвенция по рыболовству еще не была заключена. Японские рыбаки бесконтрольно вылавливали лососевые породы рыб в Охотском море, часто заходя в наши территориальные воды. Занимая Курильские острова сорок лет, они хорошо изучили пути миграции разных пород рыб и сетями преграждали их подход к рекам Камчатки для икромета. На западном берегу Камчатки около каждого устья реки, впадающей в море, располагался поселок с рыбозаводом. Вся жизнь населения в этих поселках была связана с рыболовством. К сожалению, наши рыбаки ловили лососей только в реках, а японцы - в открытом море. Алексею довелось побывать в поселках Озерновском, Октябрьском, Большерецком и Хайрюзово.

Он слышал жалобы рыбаков на японцев, которые, вылавливая рыбу в море, сокращают количество рыбы, заходящей в реки. Среди рыбаков ходили разговоры, что рыба около японских островов заражена радиацией, поэтому японские рыбаки пускались в рискованное плавание для ловли рыбы у камчатских берегов.

Кораблям бригады охраны водного района было поручено задерживать иностранные суда, заходящие в наши территориальные воды.

На ходовой мостик поднялся командир корабля капитан-лейтенант Соколов - стройный мужчина, тридцати лет, среднего роста, с обветренным волевым лицом. При разговоре он всегда внимательно смотрел на собеседника, никогда не перебивал его и не повышал голоса. Что-то располагающее и притягивающее было в его внимательном взгляде из-под густых черных бровей. Алексей увидел знакомый блеск умных глаз. В них была отеческая ласка и готовность в нужный момент прийти на помощь. Командир относился к подчиненным с уважением, не ущемляя их достоинства, был душевней, чем другие командиры кораблей. Его движения были уверенными: чувствовалось знание своего дела и военная выправка. Он пользовался уважением офицеров и матросов как командир и был образцом отношения к людям и к выполнению своего служебного долга. На нем был надет реглан, из-под воротника которого выглядывал водолазный свитер из верблюжьей шерсти. Осмотрев волнующееся море вокруг корабля, он вынул свисток из переговорной трубы, соединяющей мостик с постом радиолокационного наблюдения, и подул в нее. На другом конце раздался мелодичный свист. Вахтенный радиометрист вынул свисток и доложил:

- Матрос Ишимов на связи.
- Доложите обстановку, - приказал командир.
- Горизонт чист, товарищ командир, - последовал ответ.

В это время впередсмотрящий матрос Коршунов закричал в микрофон: «Сеть по левому борту». Мимо корабля промчался на волне стеклянный шар, оплетенный капроновым шнуром. Это был поплавок от японской сети. Наши рыбаки имели пробковые поплавки. Командир перевел рукоятки машинного телеграфа в положение «стоп», но корабль уже прошел через сеть. Из машинного отделения доложили, что левый винт заклинило.

- Боцмана на мостик, - приказал впервые раздраженно всегда спокойный командир.

Алексей повторил команду по трансляции и перевел взгляд на корму корабля. Там открылся люк кубрика, из которого поднялся на палубу боцман. Задраив за собой плотно люк, он, широко расставляя ноги, побежал по качающейся палубе, с трудом удерживая равновесие. На мостик взлетел, запыхавшись, хотел приложить руку к головному убору, но в это время корабль накренился на борт, и ему пришлось ухватиться за борт мостика.

- Главный старшина Луференко прибыл по вашему приказанию, - доложил боцман.
- Возьмите двух матросов с баграми, надо проверить, что происходит за кормой. Заклинило левый гребной винт.

- Есть, - ответил боцман и скатился на руках по поручням трапа.

Вскоре он появился на мостике и доложил:

- Товарищ командир, на палубу поднят конец капронового троса с двумя поплавками.

- Второй конец троса нашли?

- Никак нет. Он, видимо, намотан на винт. Надо спускать водолаза и освобождать винт от троса.

- В такую погоду опасно спускать водолаза, - произнес командир.

Он уже принял решение, что надо на одном двигателе идти в тихую бухту и там заняться освобождением винта от троса. Боцману сказал:

- Можете быть свободным, прикажите вынутый из воды трос закрепить на палубе.

Покинуть район патрулирования можно было только по разрешению штаба бригады. Прежде чем приказать вахтенному радисту соединить его с оперативным дежурным штаба, командир опробовал работу правого двигателя, переведя рукоятку машинного телеграфа на малый ход, затем на средний.

Разговор с оперативным дежурным был недолгим. Получив «добро» покинуть район, капитан-лейтенант крикнул в ходовую рубку:

- Штурман! Курс на остров Парамушир!

На охотниках штурман совмещал свои основные обязанности в походе с обязанностями помощника командира корабля. Выражения «штурман, курс» и «штурман, место» были общепринятыми выражениями и не считались обидными.

Через несколько минут из рубки послышался ответил:

- Пеленг сто пятьдесят два градуса.

Командир приказал рулевому:

- Лево руля, курс 152 градуса.

Корабль медленно описал циркуляцию и, покачиваясь с борта на борт, лег на заданный курс.

Алексею хотелось сказать командиру: «Хорошо, что не заклинило второй винт. Тогда пришлось бы подавать сигнал SOS и вызывать буксир». Но он промолчал, зная характер командира. Когда он расстроен и обдумывает свои дальнейшие действия, его лучше не отвлекать.

Молодой лейтенант уважал командира и во всем брал с него пример. Он курсантом проходил на его корабле годичную стажировку. Соколов за год присмотрелся к мичману и сделал запрос в училище о направлении Алексея для прохождения службы на его корабль. У курсантов считалось большей честью, когда их направляли служить на корабли по запросу, а не по распределению. В училище Алексей прочитал много книг об открытиях нашими соотечественниками Камчатки, Аляски, Сахалина, Курильских и других островов. Он был счастлив, что будет служить в этих местах и своими глазами увидит далекий северный край, который давно привлекал его своей суровой красотой и таинственностью.

Уже год лейтенант служил на большом охотнике за подводными лодками командиром боевой артиллерийской части. До училища он был страстным

охотником, любил стрелять из охотничьего ружья и нарезного оружия. Это повлияло на выбор артиллерийской специальности. Кроме этого, во время войны он часто слышал слова: «Артиллерия - Бог войны». Его всегда волновали слова песни об артиллеристах: «Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовет Отчизна нас! Из многих тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину - огонь, огонь!»

Скорость корабля снизилась, только к вечеру подошли на траверз острова Атласова. Он - вулканического происхождения, его пирамида состоит из вулканических пород и пепла, в плане имеет почти правильный круг с диаметром около 14 километров. Свое название получил в честь первооткрывателя Камчатки В.В.Атласова. На острове расположен вулкан Алаид высотой более 2 тысяч метров. Это самый активный и высокий вулкан на Курильской гряде. Остров необитаем, на нем нет бухт для стоянки кораблей, он стоит одиноко, как командир, перед строем островов Курильской гряды.

Путешественник и ученый С.П. Крашенинников в «Описании земли Камчатки» приводит легенду об этом острове: «Гора стояла посредине Курильского озера. Своей высотой она загораживала свет другим горам. Они негодовали и ссорились с ней. Тогда Алаид удалилась в уединение на море. В память своего пребывания на озере оставила свое сердце – камень, который стоит посреди озера и имеет коническую форму».

Под прикрытием острова Парамушир восточный ветер почти не ощущался, море утихло. Многие думают, что название острову дали японцы, но это не так. Свое название он получил от коренных жителей айнов. Оно означает «широкий остров».

Айны - загадочный народ. Они белолицы, с прямыми, широко открытыми глазами. Мужчины отличаются сильной волосатостью. Их окладистые бороды напоминают бороды староверов. По своему внешнему облику разительно отличаются от других народов Восточной Азии – японцев, алеутов, эскимосов, камчадалов. Они - коренные народы Японии, Сахалина, Курильских островов, Камчатки. Некогда они жили на территории России, в низовье Амура. Слово айн на ряде диалектов, в том числе на хоккайдском, означает «человек». Как говорится в одной из айнских легенд, они проживали на всех японских островах, пока не пришли туда «Дети солнца» и не вытеснили их на северные острова. В настоящее время они сохранились в небольшом количестве на северном Сахалине и около 25 тысяч человек - на острове Хоккайдо. Айны занимаются земледелием, рыболовством, охотой, собирательством диких плодов и растений.

Корабль, как уставшая лошадь после длинного пробега, слегка дрожа корпусом, продвигался вперед по спокойному морю. Его курс лежал к большому и широкому заливу, который с трех сторон был окружен высокими горами на юго-западной оконечности острова. На его южной оконечности возвышался вулкан Фусса, который был немного ниже Алаира. Горы - великаны обступили бухту со всех сторон, охраняя ее от штормов со стороны Тихого океана. Ночью в ненастную погоду остров не был виден, командир вел корабль по навигационным приборам. На мостик постоянно поступали доклады

о глубине под килем и расстоянии до берега. Когда корабль вошел в устье залива, из радиолокационной рубки поступил доклад:

- В бухте неопознанный предмет, дистанция десять кабельтовых.
- Запросите позывные!
- На позывные не отвечает.

Сигнальщик включил прожектор. Луч прожектора уперся в непроницаемую завесу влажного воздуха.

- Стоп машины, - скомандовал командир и, обращаясь к вахтенному офицеру, приказал:
- Подайте сигнал: «По местам стоять, на якорь становиться».

Затем приказал сигнальщику отбивать склянки. Это удары в корабельный колокол, называемый рындой. При плохой видимости всегда подаются сигналы колоколом, чтобы избежать столкновения с другими кораблями. Кроме этого, склянки отбиваются через каждые полчаса, обозначая время. По склянкам члены экипажа ориентируются для заступления на вахту.

Обычно при постановке на якорь командир давал задний ход кораблю, чтобы затормозить движение его по инерции. При работе одного двигателя корабль мог развернуться в ненужном направлении. Выждав, когда движение по инерции угасло, он подал команду:

- Отдать якорь.

В носу корабля загрохотала цепь, и якорь ушел на дно морское.

В кают-компании штурман Юрий Перминов спросил командира:

- Может быть, в бухте укрылась японская шхуна?

Соколов посмотрел на барометр, висевший на переборке, слегка щелкнул его пальцем, стрелка резко отклонилась в сторону повышенного давления.

- Давление поднимается, утром будет хорошая погода, узнаем, кто в заливе кроме нас, - произнес он.
- За ночь шхуна может сбежать, - не унимался штурман.
- Вахтенным офицерам ночью не покидать ходового мостика, при изменении обстановки немедленно докладывать мне, - произнес командир и удалился в свою каюту.

Алексей в каюте поднял мягкую спинку дивана, прикрепленную шарнирами к переборке, и двумя цепочками пристегнул к крючкам на потолке. В каюте вместо дивана оказались кровати в два яруса. Обстановка в каюте была спартанская. Против дивана под единственным иллюминатором стоял небольшой алюминиевый столик, около него - два мягких стула, привинченных к палубе, рядом со стульями - два шкафа для одежды и постельного белья. На флоте такие шкафы называются рундуками. Напарником Алексея по каюте был механик Всеволод Иванович. По возрасту он был старше всех офицеров корабля, но его все звали с дружеским уважением Севой. Он досконально знал всю технику корабля, был мастером на все руки, никогда никому не отказывал в помощи. На корабль пришел во время его строительства на волжском кораблестроительном заводе. На подчиненных никогда не повышал голоса, разговаривал тихо и спокойно. Они его любили и уважали, знали, что он может своими руками разобрать любой насос, двигатель

или эжектор, найти неисправность и вновь собрать. Вот сегодня он ушел в машинное отделение, чтобы присутствовать при ремонте соединительной муфты на валу левого двигателя. По выслуге лет ему давно были положены погоны капитан-лейтенанта, но по штатному расписанию корабля на должности механика полагалось быть старшему лейтенанту. Ему предлагали перейти служить на крупный корабль, но он прикипел к большому охотнику и не хотел менять место службы. На полуострове Завойко в военном городке его ждали жена и двое детей.

Алексей застелил верхнюю полку, разделся, встал одной ногой на стул и ловко запрыгнул на постель. Посмотрев на часы, вытянулся во весь рост и подумал: «До вахты осталось более трех часов, можно выспаться». Он привык засыпать быстро в любом положении и в любой обстановке. Мог спать сидя и даже стоя. Шум и качка его всегда убаюкивали. В самолете засыпал мгновенно после взлета лайнера. Возможно, это было связано с постоянным недосыпанием.

2

На корабле в колокол пробили восемь склянок. Алексей мгновенно проснулся. «Неужели уже четыре часа?» - подумал он. С надеждой посмотрел на часы – может быть еще двенадцать ночи и можно продолжить сон. Его надежда не оправдалась. Пришлось осторожно спуститься на палубу каюты, чтобы не разбудить Севу, одеться и отправиться на ходовой мостик.

Вахту с нуля часов до четырех нес штурман - старший лейтенант Перминов. Эта вахта считалась самой тяжелой и называлась «собачьей». Она досталась штурману потому, что утром при водолазных работах его присутствие не было нужно, и он мог отдохнуть. Перминов окончил Ленинградское высшее военно-морское училище. Гордился тем, что был ленинградцем, и считал, что Ленинградское училище - самое лучшее. При разговоре у него часто проскакивала фраза: «У нас в Ленинграде . . .». Светловолосый, с высоким лбом и голубыми глазами, не был лишен привлекательности. Женился на последнем курсе училища, после завершения многомесячного перехода Северным морским путем вызвал жену на Камчатку. Он был энергичным и подвижным, любил командовать матросами, делать им замечания, но не отличался злопамятством. Таких людей называют «служаками». Употреблял крутые словечки, считая это шиком. Матросов часто называл на «ты», считая, что такое обращение сближает его с командой.

Взбежав на мостик по крутому трапу, Алексей решил пошутить над Перминовым. Приложил руку к фуражке и произнес:

- Прошу сдать вахту строго по уставу.

Перминов не ожидал такого обращения и растерялся. Затем с удивлением посмотрел на Алексея и промолвил:

- Ты что недоспал?

- В бухте неприятельское судно, я хочу знать, какие приняты меры? – продолжал Алексей.

Перминов нехотя стал рассказывать: «Неизвестное судно стоит на якоре, никаких движений и шума винтов не обнаружено. Звонил оперативный дежурный штаба, просил доложить обстановку. Я доложил, что гребным винтом будем заниматься с рассветом, рассказал о неизвестном судне в бухте».

- Ты почему «вперед батьки в пекло лезешь?» - удивился Алексей.

- В чем, собственно, дело?

- Командир вчера не сообщил о неизвестном предмете в бухте, значит считает, что сначала надо разобраться, а только потом докладывать.

- Принимай вахту и разбирайся, - сказал Перминов, - я пошел отдыхать.

За несколько часов погода изменилась. Ветер угнал дождевые тучи в Охотское море, в просветы высокой облачности подмигивали звезды. Алексей связался с радиолокационной рубкой. Ему доложили, что неопознанный предмет находится на месте. Он стал периодически осматривать залив в бинокль, но в темноте ничего не мог увидеть.

Постепенно стали видны очертания гор, среди которых выделялась вершина вулкана Фусса, облачность рассеялась, на небо высыпали звезды. Наступили астрономические сумерки. Это самый удобный период суток для астрономического определения местоположения корабля в океане по звездам. В это время солнце находится ниже горизонта на двенадцать градусов. Когда оно поднялось к горизонту на шесть градусов, звезды исчезли, и начались гражданские сумерки. Алексей увидел в бинокль в заливе расплывчатые очертания предмета, не похожего на корабль. Он скорее догадался, чем рассмотрел огромного кита, спокойно лежащего на поверхности воды. В это время вахтенный сигнальщик закричал во весь голос:

- Товарищ лейтенант, в заливе кит!

- Не кричи так громко – разбудишь экипаж, - пошутил Алексей.

- Мне кажется, что он не живой, - продолжал сигнальщик.

Алексею не хотелось вступать в разговор, он был очарован окружающим пейзажем. Где-то далеко в океане солнце поднялось из-за горизонта и своими лучами осветило горы острова, их вершины сияли в его лучах. Снежная вершина вулкана, как зеркало, отражала солнечные лучи. В тени гор лежала спокойная черная гладь залива. У Алексея мелькнула шальная мысль: по телефону вызвать на мостик штурмана посмотреть на «корабль» в заливе, но он передумал, решив, что его шутку могут не понять. Когда рассвет вступил в свои права, на спокойной поверхности залива невооруженными глазами можно было четко разглядеть кита. Его длину можно было сравнить с длиной малого рыболовного траулера. Длина синего кита достигает двадцати пяти метров, а вес до ста тонн и больше. Его, видимо, ранили китобои. Морскому исполину удалось уйти от преследователей и закончить жизнь в этом заливе.

Во всех помещениях корабля зазвенел сигнал подъема. Надоедливый звук «та,та-та» всегда прерывал сладкий сон и не давал немного доспать. Вскоре радист включил трансляцию, и по кубрикам разнесся знакомый голос: «На зарядку становись». Матросы в тельняшках поднимались из кубриков на палубу и строились в две шеренги. Кто-то увидел в заливе кита и крикнул:

- Кит на воде!

Шеренги сломались, все побежали к борту, что-то кричали, показывали руками в сторону кита.

Алексей с улыбкой на лице наблюдал с мостика за командой. Он дал матросам налюбоваться необычным зрелищем, выпустить свои эмоции, многие кита видели впервые. Затем в рупор подал команду: «На зарядку становись!»

На корме боцман со своей командой готовил водолаза к спуску. Около них стояла водолазная станция, представляющая из себя квадратный ящик с рукояткой от насоса. От станции отходили телефонный провод и шланг для подачи воздуха в легкий водолазный костюм, который не был легким по весу, хотя его так называли. Алексей вспомнил курсантскую практику по водолазному делу, которую он проходил на базе училища в бухте Миноносок, расположенной недалеко от границы с Кореей. На каждого курсанта по очереди надевали легкий водолазный костюм, затем ботинки с толстыми свинцовыми подошвами, по несколько килограммов каждая, на грудь и спину вешали свинцовые лепешки. В довершение всего два человека поднимали медный шлем и надевали на голову водолаза, что увеличивало нагрузку на плечи. В таком одеянии было нелегко пройти по галечной отмели три метра до уреза воды. Задача каждого заключалась в том, чтобы пройти по дну бухты до глубины десять метров и благополучно вернуться назад, не всплыв на поверхность. Уйти дальше от берега не позволял пеньковый трос, привязанный к поясу. Однажды курсант Виктор Крылов залюбовался подводным миром. На отшлифованных морем плоских гальках лежали разноцветные морские звезды, на песчаных участках были видны трепанги, похожие на сардельки, около зарослей морской травы ожидали своей добычи морские ежи. У Виктора захватывало дух от красоты подводного царства, и он забыл постоянно нажимать головой на клапан шлема, чтобы выпускать из костюма лишний воздух. Его костюм раздулся, и Виктора как пробку выбросило на поверхность воды. Курсанты со смехом подтащили неудачливого водолаза за привязанный к поясу трос к берегу.

Пока Алексей предавался воспоминаниям, водолаз спустился за борт и доложил, что винт не поврежден. На нем намотан трос и кусок сети. Механик Всеволод Иванович предвидел работу по освобождению винта от троса и подготовил монтировку с заточенным до острия бритвы концом.

Через два часа винт корабля был освобожден от троса, командир проверил работу двигателя на холостом ходу и доложил оперативному дежурному штаба о готовности выйти в море. Дежурный дал «Добро», затем спросил:

- Что за корабль был с вами в заливе острова Парамушир?
- Никакого корабля не было.
- Как не было? - удивился дежурный,- мой предшественник об этом ясно записал в журнале.
- Так это кит зашел в залив.
- Ну у вас и шуточки, - сказал дежурный.
- В каком часу сделана запись в журнале? - спросил Соколов.
- В ноль часов тридцать минут.

Командир вспомнил, что в это время вахту нес Пименов и подумал: «Вот служака, решил отличиться», но никому ничего не сказал. Оперативного дежурного попросил о находке сообщить китобоям.

В то время в нашей стране китобойным промыслом занимались несколько китобойных флотилий. Самой знаменитой была флотилия «Слава», базирующаяся в Одессе. Она состояла из плавбазы, представляющей завод по переработке китов, и 17 малых китобойцев-охотников, которые вели промысел в районе Антарктиды. О ее успехах постоянно писалось в газетах, о ней показывали фильмы, слагали песни. Алексею на всю жизнь запомнились слова песни: «Мне бить китов у кромки льдов, рыбьим жиром детей обеспечивать». На Дальнем Востоке промышляла китов от Охотского до Берингова моря флотилия «Алеут».

Позже были созданы флотилии «Юрий Долгорукий», «Советская Россия», «Владивосток», «Дальний Восток» и другие. В 1960 году в водах Антарктиды работали 250 флотилий Японии, Норвегии, Великобритании, Дании и других стран. Через несколько лет интенсивного промысла нашими и зарубежными китобоями поголовье китов было настолько сокращено, что промысел стал нерентабельным. За 25 лет промысла всеми китобойными флотилиями было добыто около 200 тысяч китов. Международное сообщество вынуждено было заключить договор о прекращении добычи китов.

В настоящее время численность китов частично восстановлена. Россия имеет квоту на добычу 140 китов для коренных жителей Дальнего Востока

Охотой на китов занимаются чукчи и эскимосы, проживающие на Чукотке. Они испокон веков питались мясом китов, жиром обогревали и освещали жилье, из их костей строили жилища. Кожа с тонкой прослойкой сала в сыром виде является для них деликатесом.

Сегодня китов не стреляют из гарпунных пушек. Обычно охотятся бригадой из пяти - шести лодок со скоростными подвесными моторами и одного катера для буксировки добычи к берегу. Лодки прочесывают Берингов пролив. Обнаружив кита по фонтану воды, охотники по рации оповещают товарищей. Начинается преследование кита. Главная задача заключается в том, чтобы подойти ближе к месту, где кит вынырнет, чтобы вонзить в него гарпун, к которому на шнуре привязан ярко-красный буй. Гарпун остался таким же, каким был сотни лет назад. Несколько вонзившихся в тело кита гарпунов с поплавками не дают ему погрузиться на глубину и уйти от преследователей. Окончательно судьбу кита решает карабин.

3

Корабль удалялся от приютившего его острова. Мерно стучали машины, за кормой оставалась кильватерная струя, которая в тихую солнечную погоду, не исчезая, тянулась на сотни метров. Алексею показалось, что она связывает корабль с островом. Ему вспомнилось свое первое посещение этого острова.

Ноябрь 1952 года во Владивостоке выдался ветреным и холодным. Курсанты Высшего военно-морского училища группами спешили в увольнение. Они пригибались навстречу ветру, придерживая свои бескозырки, чтобы ветер не сорвал их с головы и не унес с собой как листья деревьев, которые он гнал по улице. Алексей, Андрей Плотников и Виктор Крылов решили посмотреть кино в кинотеатре «Родина», но их постигло разочарование. Хотя афиши около здания не было, но в двери входили и выходили люди. Курсанты вошли в фойе и увидели удручающую картину: помещение было переполнено людьми с детьми, некоторые сидели и лежали на подстеленных на полу вещах. Это были беженцы с Курильских островов, на которые обрушилось цунами. Трагедия произошла несколько дней назад, но в училище о ней не было сказано ни слова. Приятели отправились в кинотеатр «Комсомолец». Там узнали, что во всех кинотеатрах города временно размещены беженцы. Им ничего не оставалось делать, как пойти в столовую, чтобы не бродить по улицам под пронизывающим ветром. Любимой курсантами столовой была «Серая лошадь». Она находилась недалеко от вокзала в сером здании, которое располагалось на сопке в отдалении от улицы, и в нее редко заходили патрули. Примечательностью столовой были кабины, которые задергивались шторами. В кабинах стояло по два сдвинутых столика, за которыми можно было компанией выпить без посторонних глаз и вести непринужденные беседы. Курсанты вошли в свободную кабину, уселись за стол подальше от окна. Теплое помещение действовало на них расслабляющее после пронизывающего ветра на улице. Вошедшей официантке заказали бутылку водки и по две порции пельменей. Через некоторое время в их кабинку заглянул морской офицер. Алексей с испугом подумал: «Неужели патруль?», но узнав в офицере корейца, успокоился. В это время шла ожесточенная война между двумя корейскими государствами. Южной Корее помогали Соединенные Штаты Америки, Северной Корее помогал Советский Союз. Группа корейских офицеров проходила обучение в училище по использованию новых видов оружия. Они носили нашу военно-морскую форму, только звезды на погонах располагались одна за другой, как у наших адмиралов. Офицер вежливо спросил:

- Нам можно сюда?
- Пожалуйста, - хором ответили курсанты.

В училище их предупреждали, чтобы они с иностранными моряками не вступали в контакт и ничего им не рассказывали. После поражения Японии во Второй мировой войне южная часть Кореи была оккупирована Соединенными Штатами, а северная – Советским Союзом. В 1948 году было создано два корейских государства, между которыми разразилась война 1950-1953 годов, к окончательно закрепившая раскол страны. Не могли же курсанты в сложившейся обстановке отказать офицерам сесть за свободный стол.

В кабину вошли четыре офицера и разместились за общим столом. У каждого на погонах было по четыре звезды, что соответствовало нашему званию капитан-лейтенант. Постепенно между корейцами и курсантами завязался разговор. Корейцы очень плохо говорили по-русски. Они недавно прибыли в училище и первые месяцы занимались только изучением русского языка. Им

представился хороший случай практиковаться в разговорной речи. Их речь порой состояла из набора отдельных слов, по которым можно было догадаться, о чем идет речь. Алексей не помнил всего разговора, но запомнил рассказ об офицере со звездой Героя Кореи на груди. Его звали Ким Гунок. На заданный курсантами вопрос, за какие заслуги он награжден орденом, его товарищ рассказал удивительную и поучительную историю.

В войне против Южной Кореи, которым помогали американцы, флот Северной Кореи не мог противостоять американскому флоту. Корейцы использовали все доступные им способы борьбы. В одну из туманных ночей Ким Гунок с командой матросов вышел в море на шлюпке. Они удалились в море дальше стоящей на рейде эскадры американских кораблей, сделали полукруг и со стороны моря приблизились к крейсеру. Обнаружить американские корабли помогли сигналы, подаваемые корабельными колоколами. Американцы не ожидали нападения с моря, кроме того густой туман создавал нулевую видимость. Шлюпка бесшумно подошла к высокому борту крейсера, моряки установили три мины и благополучно вернулись на берег. Раздавшиеся в ночной тиши взрывы похоронили на дне Желтого моря корабль с его экипажем.

В следующем году курсанты проходили практику на учебном пароходе «Енисей». Поход длился месяц. Судно прошло по Японскому морю до острова Сахалина, затем проливом Лаперуза между островом Сахалином и японским островом Хоккайдо. Стояла солнечная тихая погода, безоблачное небо щедро одаривало солнечными лучами курсантов, раздетых до пояса. Морская гладкая синь пролива сливалась на горизонте воедино с голубизной небосвода. Все свободные от вахты курсанты столпились у правого борта, чтобы разглядеть японский остров. К сожалению, капитан вел судно ближе к своему острову, опасаясь встретиться с американской подводной лодкой. Разглядеть что-либо на японском острове не представлялось возможным. Были видны только его очертания и возвышающиеся горы. Над пароходом носились чайки, сопровождая его в дальнее плавание. Для них не существовало границ, они могли свободно пересекать пролив и посещать любой остров. Алексей позавидовал чайкам. Ему хотелось с высоты их полета увидеть японский остров и живущих на нем людей. Пройдя пролив Лаперуза, пароход направился Охотским морем вдоль гряды Курильских островов, чтобы одним из проливов выйти в Тихий океан, а затем пройти на север вне видимости Курильских островов тысячу морских миль к берегам Камчатки. Курильские острова - вулканического происхождения и тянутся грядой от полуострова Камчатки до острова Хоккайдо. Они отделяют Охотское море от Тихого океана. Курсанты должны были пройти штурманскую практику по определению места парохода по небесным светилам. С наступлением сумерек курсанты толпами выходили на палубу огромного парохода и, споря между собой, разыскивали на небосводе созвездия, а в них звезды, по которым определяли место парохода в океане. До изучения курса астрономии для Алексея все звезды были просто небесными светилами. Теперь он мог объединять их в группы и видеть созвездия. Названия многих созвездий и звезд были взяты из трудов древних греков, написанных за

много веков до нашей эры. Они связаны с животными и греческой мифологией. В ночном небе во всей красе появлялись созвездия Большой и Малой Медведиц, Дракона, Гончих Псов, Жирафа, Рыси и другие. Звезды завораживали своими названиями: Андромеда, Персей, Зевс, Кассиопея.

Через неделю «Енисей» бросил якорь во втором Курильском проливе. С бортов парохода хорошо были видны два острова. На северном острове Шумшу виднелся поселок Байково, на Парамушире - остатки от разрушенного цунами города Северо-Курильска.

Масштабы и последствия ущерба, нанесенного цунами Курильским островам и восточному побережью Камчатки, были засекречены. О цунами не писалось в газетах и не передавалось по радио. Руководители штурманской практики курсантов посчитали, что будущие офицеры должны знать, с какими последствиями морской стихии им, может быть, придется столкнуться во время службы на Флоте, и разрешили сойти на берег. Рота курсантов на десяти шлюпках отошла от борта парохода и, как морской десант, направилась к пологому берегу небольшого залива, где не так давно стоял морской причал. Курсанты сошли на берег через несколько месяцев после трагедии 14 ноября 1952 года.

Землетрясение началось в 4 часа утра. Первая волна, обрушившаяся на город, была небольшая, вторая достигала десяти метров. Она пришла через тридцать минут и смела все на своем пути. Стоящие в заливе рыболовные траулеры сорвала с якорей, полностью разрушила причал, ломала жилые дома, а их остатки уносила далеко в сопки по пологому склону между гор. Город Северо-Курильск был полностью уничтожен. Сохранилось несколько домов, расположенных на возвышенной террасе, в том числе радиостанция, которая подавала сигналы SOS. В Петропавловске-Камчатском не могли понять, почему SOS поступает от береговой радиостанции. Обычно этот сигнал поступал от судов, терпящих бедствие в море. Отправленный утром самолет обнаружил, что город перестал существовать, пролив заполнен обломками домов, бочками и всем, что могло держаться наплаву, в том числе и людьми. Началась спасательная операция. Людей пароходами отправляли во Владивосток и самолетами в поселок Елизово на Камчатке.

Алексей вместе с группой курсантов поднимался по пологому склону в сопки. Вся долина была заросшей кедровым сланцем высотой с человеческий рост. Деревья плотно переплелись ветвями между собой и представляли непроходимую чащу. Идти можно было только по проложенной дороге. Его взгляд искал шишки кедровых орехов, но вместо них он увидел среди зарослей разбросанные детали жилых домов, рыболовецкий катер и перевернутый танк. Их сюда занесла волна разбушевавшейся стихии.

4

Все эти воспоминания мгновенно пролетели в сознании Алексея, и он вернулся к действительности. Корабль проходил мимо острова Атласова. Его снежная вершина сияла в лучах осеннего солнца. По правому борту показался

мыс Лопатка. Здесь по морю катились крутые волны, их гнал ветер из первого Курильского пролива, отделяющего материковый берег Камчатки от острова Шумшу. Это самый опасный Курильский пролив, моряки предпочитают по нему не ходить. Командир приказал Алексею объявить учебно-боевую тревогу. Вахтенный офицер кнопкой громкой связи подал уставной сигнал и голосом в микрофон трижды повторил: «Учебно-боевая тревога!» Затем достал секундомер и нажал на кнопку. По палубе застучали пятьдесят пар матросских ног обутых в сапоги. Матросы бегом неслись к своим боевым постам. Через несколько секунд на мостик начали поступать доклады о готовности боевых расчетов. Первыми доложили радисты, акустики и радиометристы. Алексея интересовало время готовности к стрельбе комендоров. Они расчехлили орудия и опробовали работу механизмов. Наконец стали поступать доклады: орудие главного калибра к бою готово, второй зенитный автомат к бою готов, первый зенитный автомат к бою готов. Алексей остановил секундомер и доложил командиру: «Корабль к бою готов».

- Пробоина в правом борту в машинном отделении ниже ватерлинии, - дал вводную команду командир.

Команда мгновенно была передана по трансляции. В машинное отделение устремилась трюмная команда и вместе с машинистами начала заделывать условную пробоину в месте, указанном механиком корабля В. И. Горбуновым.

Командир вызвал на мостик боцмана Луференко и приказал разжечь на корме огонь. Боцман принес жестяной противень с ветошью, смоченной соляром, и поджег ее. Первыми пожар заметили артиллеристы второго зенитного автомата. Командир боевого поста доложил на мостик, комендоры, не размышляя, сняли с надстройки пожарные шланги, подсоединили их к гидрантам, и две струи из брандспойтов устремились на очаг возгорания. Учение длилось больше часа, вводные команды поступали одна за другой.

Утром следующего дня из радиолокационной рубки вахтенный доложил об обнаружении неизвестной цели, двигающейся от берега в сторону моря со скоростью двенадцать узлов. На позывные судно не отвечало. Командир приказал штурману рассчитать курс сближения с целью. Штурман доложил, что при нашей максимальной скорости восемнадцать узлов встреча может произойти в нейтральных водах. Японская рыболовная шхуна уже была видна невооруженным глазом.

- Поднять сигнал – прошу остановиться, - приказал командир сигнальщикам.

На мачте взлетели флаги по международному своду сигналов, требующие остановки судна. Шхуна продолжала движение своим курсом.

Капитан-лейтенант Соколов не мог допустить, чтобы иностранное судно ушло в нейтральные воды. Он решительным твердым голосом произнес:

- Боевая тревога!

Вахтенный офицер по трансляции и звуковым сигналом повторил команду.

Командир в бинокль рассматривал сейнер. Шкипер сейнера также рассматривал большой охотник. Он, видимо, думал, что вряд ли его удастся задержать. В нейтральных водах он окажется раньше боевого корабля.

Когда экипаж занял свои места на боевых постах, Соколов приказал командиру боевой артиллерийской части лейтенанту Каткову произвести предупредительный выстрел по курсу сейнера.

В микрофон зазвучали уставные команды:

- Дальномер дистанцию!
- Дистанция одиннадцать кабельтовых, - поспешно ответил дальномерщик.
- Орудие главного калибра к бою!

Взглянув в таблицу артиллерийской стрельбы, Алексей продолжал:

- По сейнеру, прямо по курсу, одиночным, снаряд бронебойный, прицел десять кабельтовых, целик сорок два.

Затем, чтобы снаряд не попал в сейнер, внес поправку:

- Целик лево единица!

Услышав доклад: «Готово», скомандовал:

- Огонь!

Корабль вздрогнул, привычный мерный шум механизмов корабля был нарушен оглушительным выстрелом корабельной пушки. Снаряд поднял фонтан воды в двухстах метрах впереди сейнера. Это не остановило японского нарушителя границы.

- Стреляй ближе к сейнеру, - приказал командир Алексею.

Второй снаряд поднял фонтан воды в сотне метров перед сейнером, третий перед самым носом. Сейнер лег в дрейф. Шкипер понял, что с ним не шутят и следующий снаряд может угодить в судно.

Охотник подошел к сейнеру, на палубе которого толпились рыбаки. Командир скомандовал:

- Шлюпку на воду, абордажной команде в шлюпку!

В состав группы захвата входили штурман Перминов, рулевой, радист, моторист и матросы охраны. Каждый знал свои обязанности, захваченное судно будет управляться нашей командой.

Чтобы раскачивающийся на волнах сейнер не ударил бортом шлюпку и не затопил, Перминов решил подтянуть шлюпку к борту буксиром. Матрос дважды кидал на палубу шхуны бросательный конец, но никто из экипажа шхуны его не принял, и трос оказывался в море. Тогда, выбрав удобный момент, штурман подвел шлюпку к борту шхуны. В это время с ее палубы полетела в шлюпку тяжелая двадцати ведерная бочка. Она могла искалечить несколько человек, но набежавшая волна отбросила шлюпку от борта шхуны, и удар пришелся на борт, выломив у шлюпки часть планширя.

Поднявшись на борт шхуны, здоровяк старшина Щербань сгреб в охапку небольшого ростом японца и хотел выбросить за борт. Он видел, кто из японцев отстегнул закрепленную по штормовому бочку и столкнул ее за борт. Пименов не своим голосом закричал:

- Отставить, старшина! Всем по местам!

В рубке шхуны на столе лежала подробная карта Охотского моря. Пименов взял карандаш, пометил на карте место шхуны и показал шкиперу. Тот замахал руками и отметил место за пределами нейтральной полосы. Не вступая в спор, штурман отметил на карте место обнаружения шхуны и место задержания.

Затем соединил две точки линией. В это время в рубку вошел старшина Щербань и доложил, что все рыбаки находятся в кубрике под охраной, наша команда готова управлять шхуной.

Пименов поднялся на мостик. Наш рулевой стоял у руля, радист вел разговор со своим коллегой на охотнике.

- Отставить разговоры, - грозно произнес штурман, - переключитесь на командира.

Он взял у радиста микрофон и доложил:

- Товарищ капитан-лейтенант! Шхуна занята без происшествий, готова следовать указанным вами курсом.

- Благодарю, Юрий Семенович, - командир впервые назвал Пименова по имени и отчеству, - следуйте курсом в четвертый Курильский пролив, затем к острову Шумшу в Байково. Я буду сзади вас эскортировать.

Японские рыбаки нашли контакт с нашими матросами, у них у каждого было много красочных журналов на хорошей лощеной бумаге. Они стали дарить морякам журналы и игральные карты. Матросы – комсомольцы, воспитанные в социалистических традициях, не могли даже предполагать, что в журналах можно публиковать обнаженные тела женщин и мужчин. Моряки не знали, что это были порнографические журналы, и с удовольствием принимали подарки, которые исчезали у них за форменками и тельняшками. В дальнейшем, когда корабль пришел в базу на полуострове Завойко в Авачинской губе, журналы разошлись по многим кораблям бригады и доставили много хлопот работникам политотдела по их поиску и уничтожению. Чаще всего журналы находили в вещах матросов, отъезжающих после окончания службы.

Четвертый Курильский пролив самый безопасный для судоходства среди всех Курильских проливов. Он расположен между островами Парамушир и Онекотан. Его ширина 1,5 километра, а глубина достигает тысячи метров.

Все трюмы сейнера были заполнены красной рыбой, он осел до ватерлинии и, как утюг, медленно продвигался вперед. Небольшие волны разрезались его осевшим носом и соединялись где-то за кормой. Большой охотник следовал за ним в кильватер на средней скорости.

Залив, на пологом берегу которого раскинулся поселок Байково, встретил моряков полным штилем. В солнечных лучах сияли одноэтажные дома, разбросанные вдоль береговой черты. На рейде стоял большой охотник за подводными лодками с бортовым номером 410. Он также привел в Байково нарушителя территориальных вод страны. Сигнальщики обоих кораблей подняли на мачтах флаги, приветствуя друг друга. Встреча корабля из своего дивизиона вдали от базы всегда радостное событие для моряков. Между командирами кораблей начались переговоры. Прожекторы в руках сигнальщиков мигали азбукой Морзе с невероятной скоростью. Это самый надежный вид связи на море, его невозможно подслушать, а прочитать может только специалист высокого класса.

Вскоре на корабль прибыли представители пограничной службы и рыбнадзора, им был передан японский рыболовный сейнер для ведения следствия и суда. Первоначально судно, орудия лова и рыбу конфисковывали, а

всю команду судили и направляли на строительство дорог острова. В дальнейшем, по договоренности с японской стороной, стали судить только шкипера, а после выплаты Японией нанесенного ущерба команду и судно отпускать в Японию.

Командир связался со штабом бригады охраны водного района, доложил о передаче нарушителя пограничникам и получил разрешение на двухдневный отдых для команды.

На корабле был объявлен банный день. Все моряки имели по два комплекта спального белья и каждую неделю проводили стирку. Вскоре корабль стал походить на огромный парусник с множеством белых парусов из простыней и наволочек, развешанных на натянутые леера.

По просьбе матросов, любителей рыбной ловли, Алексей отправился в каюту к командиру корабля. Соколова застал сильно кашляющим. Откашлявшись, Соколов недовольно спросил:

- С чем пожаловал лейтенант?

Ему, видимо, было неприятно, что его застали врасплох с его болезнью.

- Товарищ капитан-лейтенант, разрешите матросам порыбачить с борта корабля.

- Добро, могут рыбачить.

Вскоре на корме собрались шесть человек с удочками и толпа любопытных наблюдателей. Удочки состояли из лески с тяжелым грузом, к которой привязывался поводок с крючком. В качестве наживы употреблялись кусочки рыбы, чаще всего куски соленой селедки.

Рыба не заставила себя долго ждать. Поклевки следовали одна за другой. Вскоре у всех рыбаков были оторваны крючки. Озадаченные рыбаки привязали новые крючки на более толстые поводки. Результат оказался тот же. Рыба рвала любые лески.

Боцман Луференко, наблюдавший за рыбаками, решил пошутить над ними. Он пошел в машинное отделение, согнул на тисах из стальной проволоки большой крючок, заточил его на наждаке и задумался. Он не был рыбаком, и лески у него не было. Зато в его распоряжении были бросательные концы толщиной с мизинец. Привязав крючок к толстому концу и гайку в качестве груза, он пришел на корму. Раздался дружный смех присутствующих увидевших его снасть. Боцман невозмутимо насадил на крючок кусок селедки и опустил снасть за борт. Шутки над ним продолжались:

- Боцман хочет поймать акулу, на такую удочку можно поймать кита.

Внезапно бросательный конец был вырван из руки Луференко, он с трудом поймал и удержал его. Все смолкли и устремили свои взоры на боцмана, который прилагал немало усилий, чтобы выбирать из воды толстый шнур. Вскоре на поверхности воды появилась голова крупной трески.

- Не поднимай на борт, сорвется, нужен сачок, - летели советы бывших шутников.

Боцман был уверен в своей снасти и поднял на палубу трепещущую и сопротивляющуюся рыбину. Она била хвостом о палубу, подпрыгивала на ней, раскрывала рот, стараясь что-нибудь схватить. Вес трески был больше пяти

килограммов. Рыбаки побежали в машинное отделение изготовлять крючки, а Луференко продолжал вылавливать одну за другой крупную рыбу.

Наблюдая за подпрыгивающей на палубе треской, Алексей вспомнил акулу, свидетелем ловли которой ему довелось быть. Он плыл на пароходе «Анива» из Владивостока на Сахалин. В пути скончался пассажир. Поскольку до Сахалина осталось ходу менее суток, тело не стали хоронить в море. Неожиданно пассажиры заметили, что пароход стали сопровождать акулы. Они, как торпеды, плыли на небольшой глубине вдоль бортов парохода. «Неужели они чувствуют запах трупа и ждут, когда его выбросят за борт», - удивлялись многие. Акулы поглощали все, что выбрасывалось за борт, вплоть до консервных банок. Матросы парохода решили поймать акулу. К стальному тросу, намотанному на кормовую лебедку, закрепили огромный крючок-двойник, насадили на него кусок мяса и выбросили в воду. Хищница, заглотив приманку, стала жертвой своей жадности. С помощью лебедки ее вытащили на палубу. Она била хвостом, щелкала зубами, в ее маленьких глазах была злость и ненависть к окружившим ее людям. После этих воспоминаний Алексей посмотрел на глаза трески. В них не было злости, они не выражали каких-либо чувств.

В тот памятный день пойманная рыба не вместилась в два бачка, в которых кок готовил еду на всю команду. За ужином команда с удовольствием ела жареную тресковую печень и котлеты из рыбы, поджаренные на вытопленном из печени жире. В дальнейшем боцман не принимал участия в рыбалках, но среди рыбаков корабля считался авторитетом рыбной ловли.

5

На следующий день вся команда корабля посетила остров и ознакомилась с местом последних боев в Отечественной войне. Сегодня многие думают, что Вторая Отечественная война закончилась в мае 1945 года. Это не совсем верно. В августе продолжались жестокие бои за освобождение Курильских островов от японских войск.

На острове Шумшу в 1945 году базировалась многотысячная группировка японских войск. Гарнизон обладал самым современным оружием по тем временам, танками, авиацией. Остров считался неприступным. Войска и техника были укрыты в помещениях, вырытых под высокими горами. Амбразуры оборонительных сооружений смотрели на морское побережье из отвесных скал, входы в которые размещались далеко в сопках. Здесь находились стрелковая дивизия, полк ПВО, танковый полк, два подземных аэродрома с выходящими на поверхность взлетными полосами. Склады с оружием и продовольствием позволяли японцам сопротивляться не один месяц, а может быть и годы.

Японцы руками айнов и пленных корейцев построили под водой туннель между двумя северными островами.

Операция по освобождению острова от японцев началась ранним туманным утром 18 августа 1945 года. Десантные суда, прибывшие из Петропавловска,

под прикрытием артиллерии боевых кораблей подошли к берегу. Под перекрестным огнем японских пулеметов десантники прыгали в воду, добирались до берега и шли в наступление. Они отбили контратаку японцев и продвинулись вглубь острова. Японцы бросили на десантников танки. Огнем из противотанковых ружей и гранатами бойцы уничтожили сорок танков. Японские войска получали подкрепление с острова Парамушир по подводному туннелю. В этом бою двое десантников повторили подвиг Александра Матросова, но о них мало кто знает.

В то время, когда еще шла ожесточенная операция по освобождению Курильских островов, уже была разгромлена Квантунская армия в Манчжурии, развеялись радиоактивные грибы от взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. На Ялтинской конференции Черчилль и Рузвельт согласились на передачу Курильских островов Советскому Союзу.

Сопротивление японцев длилось весь август. Только первого сентября гарнизон капитулировал, и закончилась Вторая мировая война. В плен сдалось более 50 тысяч японских военнослужащих. Перед сдачей они взорвали туннель между островами и затопили ряд сооружений. . .

Спустя двенадцать лет курсанты и офицеры ходили по местам прошедших боев. Время не стерло следы войны. Сохранились японские укреплений: доты, дзоты, окопы, складские сооружения в сопках, по острову были разбросаны изуродованные танки.

6

С завершением рыбной путины в Охотском море командир получил радиограмму следовать к месту постоянного базирования в Авачинской губе полуострова Камчатки. Корабль лег на курс к четвертому Курильскому проливу. Машины работали на предельных оборотах, корабль, как рысак, выпущенный на свободу, устремился полным ходом в обратный путь. Он, как и люди, устал от длительного похода, ему требовались отдых и техническое обслуживание всех механизмов. Офицеры мечтали о встречах с женами и детьми, матросы - об увольнении на берег, где многих ожидали девушки. Теперь им будет что рассказать своим подругам. Алексей был единственным на корабле неженатым офицером. Он знал, что по приходу в базу ему придется первому остаться дежурным на корабле, поэтому не строил планов схода на берег.

Корабль прошел знакомым четвертым Курильским проливом и лег на курс к тихоокеанскому побережью Камчатки. Алексей в бинокль разглядывал побережье острова Шумшу. Волны морского прибоя накатывались на галечную отмель и, отступая, уносили с собой в море плавник и другие ранее выброшенные на берег предметы. Он представил себе высадку морского десанта на этот берег в августе 1945 года. Десантные корабли и рыболовные суда с десантом не могли подойти близко к берегу из-за опасности сесть на мель. Воинам с оружием и боеприпасами под огнем противника приходилось прыгать в воду. Многие, вероятно, не умели плавать. Размышления Алексея

прервал звонок из радиорубки. Радист доложил, что встречным курсом идет тральщик, который подал свои позывные.

- Ответьте нашими позывными, - приказал Алексей.

Вскоре приближающийся корабль можно было видеть невооруженным глазом. Он шел мористее встречным курсом. В носовой части тральщика большими белыми цифрами был написан бортовой номер 457.

- Товарищ лейтенант, - обратился сигнальщик, - разрешите поприветствовать тральщик.

- Исполняйте.

Сигнальщик приспустил на мачте военно-морской флаг и, когда корабли оказались в створе, резким движением поднял его на прежнее место. Тральщик ответил таким же приветствием.

Когда впереди на мысе Сигнальном показались проблески маяка, Алексей позвонил командиру и доложил:

- Подходим к входу в Авачинскую губу.

- Благодарю, - ответил капитан-лейтенант, - сейчас поднимусь на мостик.

Ширина входа в гавань около трех километров, но командир всегда сам управлял кораблем при входе в Авачинскую губу. Надо было умело сделать поворот корабля, чтобы лечь на створы, расположенные в устье реки Авачи.

Авачинская губа врезана более чем на двадцать километров в Камчатский полуостров. В ней расположено несколько удобных бухт для стоянки. Губа окружена высокими сопками, вдали видны снежные вершины вулканов Авачинская и Ключевская сопки. В ней могут разместиться флоты всего мира.

При входе в бухту по правому борту корабля, как часовые, его встретили три сказочных «богатыря», поднимающихся из воды на расстоянии трехсот метров от берега. Это скалы носят называние «Три брата». Моряки их называют кекурами. По левому борту у берега возвышался маленький обрывистый островок Бабушкин камень. Весной и летом на нем размещается птичий базар. На недоступных скальных выступах устраивают свои гнезда сотни бакланов, кайр, топориков и других морских птиц. Сегодня над островом летали только чайки. Вдали по курсу на крутом склоне сопки раскинулся город, у причалов стояли боевые корабли и океанские пароходы.

Прежде чем пойти к месту постоянной стоянки в бухту Раковую, командир повел корабль в Петропавловск-Камчатский к причалу аварийно-спасательной службы. Здесь корабли бригады заправлялись пресной водой. Он осторожно подвел корабль бортом к причалу, матросы швартовочной команды выбросили за борт кранцы, чтобы корабль не поцарапал борт, один матрос прыгнул на причал и набросил швартовые троса на кнехты причала. Причалом служил корпус некогда хорошо известного парохода «Теодор Нетте», заполненный грунтом и камнями.

Алексей, наблюдая за швартовкой, вспомнил слова стихотворения Владимира Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» и мысленно прочитал: «Здравствуй, Нетте, как я рад, что ты живой». Его поколение школьников учили это стихотворение, декламировали его на вечерах в школе.

Палуба, по которой ходил матрос, многое повидала на своем веку. У пароходов, как и у людей, у каждого своя судьба со своими приключениями, трагедиями и концом.

Грузопассажирский пароход «Тверь» был построен в 1912 году на Невском заводе в Санкт-Петербурге для обслуживания Охотско-Камчатской линии. После трагической кончины дипломатического курьера Нетте судно было переименовано в «Теодор Нетте». При переходе из Владивостока в Одессу с пленными чехами в порту Триест судно было арестовано итальянскими властями. В 1926 году оно было выкуплено и вошло в состав судов Черноморской конторы Совторгфлота. В 1929 году судно перешло на Дальний Восток и вскоре, после переоборудования в минный заградитель, было включено в состав Морских Сил Дальнего Востока. «Теодор Нетте» принимал участие в постановке минных заграждений на подходах к Камчатке, участвовал в боях при освобождении Курильских островов. Свою службу в Военно-Морских Силах закончил в 1953 году. Затем был превращен в причал. Мачты и надстройки были срезаны, их фрагменты хранятся в экспозиции Военно-исторического музея Петропавловска-Камчатского.

Заправившись водой, охотник пошел к месту постоянного базирования и ошвартовался у плавучего причала в бухте «Раковой».

Первым на берег сошел киномеханик. Он отправился на базу сменить кассеты кинофильмов. На корабле три раза в неделю смотрели кинофильмы. Кинозалом служил один из кубриков. На перегородку вешался экран, в противоположном конце кубрика на столе размещался узкопленочный кинопроекционный аппарат. Зрители сидели на рундуках вдоль бортов и на лавках, которые на флоте называются банками. Столы и банки выполнены из алюминия пустотелыми, чтобы могли служить спасательными средствами. В рундуках размещались спасательные жилеты, постельное белье и матрацы, набитые мелкой пробковой крошкой. Места в «кинозале» занимали независимо от положения и звания. В то время на флоте понятия не имели о дедовщине, о неуставных отношениях. Когда входил командир, с передних мест вскакивали матросы и предлагали ему свое место, но он всегда садился в последнем ряду. Следуя его примеру, офицеры тоже усаживались ближе к выходу, чтобы в случае необходимости можно было быстро подняться по вертикальному трапу на палубу.

Последующие дни на охотнике протекали по установленному для всех кораблей Военно-морского флота порядку. В шесть часов над люком кубриков вахтенный матрос свистел в боцманскую дудку подъем.

Вахтенный матрос отличался от всех тем, что носил на груди боцманскую дудку, а на левой руке - повязку, называемую «Како». Это латинское название буквы «К». Повязка состояла из трех полос – красной, белой, красной. Такой расцветки был флаг, который по своду морских сигналов обозначал букву «К». Вслед за свистом дудки по трансляции раздавался голос вахтенного офицера:

- Команде вставать, койки вязать!

Эта команда сохранилась со времен парусного флота. На корабле не было подвесных парусиновых коек, похожих на гамак. Команда спала в два яруса

вдоль бортов корабля в кубриках. Постели нижнего ряда укладывались на рундуки, над ними поднимались койки второго ряда, закрепленные шарнирами к бортам, и пристегивались цепочками к потолку.

Матросы соскакивали со своих коек, подушки и простыни скручивали матрацами и укладывали в рундуки. Если кто-то замешкается, старшины повторяли команду: «Подъем». Необходимо было торопиться, чтобы в короткий срок успеть одеться и сбегать в туалет. Ругани или драки со стороны старшин никогда не было. Алексей за время своей службы такого случая припомнить не может. В то время срок службы на кораблях был три года. Каждому старшине и матросу полагался один отпуск. При нарушении дисциплины поездки домой можно было лишиться. Отпуск был мощным сдерживающим фактором в нарушении уставов и дисциплины. Иногда в кубрик спускались офицеры, чтобы убедиться, как происходит побудка их личного состава. Все матросы прошли подготовку в учебных отрядах, где их натренировали одеваться за сорок секунд.

Вскоре по трансляции вновь слышался голос вахтенного офицера:

- Команде на физзарядку, форма одежды в тельняшках!

На палубу, как полосатые зебры, выскакивали из кубриков матросы и выстраивались на корме. По наружной трансляции включалась пластинка с давно знакомым голосом, который объяснял каждое упражнение и поставленным голосом вел счет элементов упражнения. После физзарядки отводилось время на умывание. Матросы шли в общий умывальник, который размещался под рострами рядом с трубой. При необходимости это помещение служило душем и баней. Для офицеров был свой умывальник рядом с каютами.

После умывания полчаса отводилось на завтрак. В кубриках устанавливались раскладные столы и банки, бочковые спешили на камбуз. Они приносили кашу с мясом или консервами, иногда макароны по-флотски, всегда сладкий чай, масло, хлеб. Еды хватало вдоволь, кроме того на корабле всегда стояли две бочки, закрепленные по-штормовому. Одна с жирной тихоокеанской селедкой, вторая с красной рыбой. Рыбу можно было брать к столу без ограничения.

Уборка на корабле проводилась ежедневно. Она заканчивалась к подъему флага. Палубу мыли из шлангов забортной водой и протирали швабрами, до зеркального блеска натирали все медные части корабля, всюду мыли переборки и протирали пыль. За каждым офицером был закреплен свой участок приборки, на котором трудились его подчиненные. Механик Горбунов шел в машинное отделение, за Юрием Перминовым были закреплены все рубки, посты радистов и радиометристов. Артиллеристы и минеры занимались уборкой верхней палубы. Алексей обычно поднимался на ростры и с высоты наблюдал за работой своих подчиненных. Одно его присутствие не давало возможности кому-нибудь филонить. Ничто не давало повода быть недовольным и к чему-нибудь придраться. Он никогда никого не ругал и не подгонял. Он понимал бессмысленность проверки качества приборки, проводя носовым платком по палубе или по стволу орудия в поисках оставшейся грязи. Матросы это ценили. Зато Пименов всегда проверял чистоту радиотехнических приборов своим белоснежным носовым платком. К концу приборки на ростры поднимался

старшина первой статьи Николай Щербань и докладывал Алексею: «Приборка верхней палубы завершена, замечаний нет». Командиры боевых частей докладывали помощнику командира корабля о завершении приборки. У Алексея со старшиной Щербанем сложились взаимно уважительные отношения. Будучи на годичной практике курсант Алексей не стеснялся расспрашивать у Николая о работе расчета орудий. К концу практики он мог заменить любого матроса на его боевом посту.

У всех матросов на нагрудном кармане рабочей форменки был пришит номер, состоящий из трех групп цифр, по которым можно определить принадлежность к боевой части корабля, к боевому посту и его место на боевом посту. У комендоров номер боевой части был вторым, у мотористов - пятым.

За несколько минут до восьми часов раздавался сигнал к построению для подъема флага. Вся команда выстраивалась на корме в две шеренги, вахтенный сигнальщик разматывал фалы военно-морского флага и готовился к его подъему. Вахтенный офицер, убедившись, что экипаж построен, посылал рассыльного к командиру корабля доложить, что команда корабля к подъему флага построена. Когда на палубе появлялся командир, вахтенный офицер командовал:

- Смирно!

Выждав, когда командир приблизится к строю, он строевым шагом подходил к капитан-лейтенанту Соколову и докладывал:

- Товарищ капитан-лейтенант, команда построена для подъема флага!

Командир здоровался с экипажем. До торжественного момента оставалась одна минута. Вахтенный офицер подавал команду:

- На флаг! Смирно!

Ровно в восемь часов громким протяжным голосом с надрывом командовал:

- Флаг поднять!

Полотнище Военно-морского флага, с красными звездой, серпом и молотом на белом фоне, медленно плыло к ноку флагштока. Сигнальщик старался поднимать флаг, не отставая и не обгоняя подъем флагов на других кораблях. Все стояли по стойке «смирно», офицеры отдавали честь, прикладывая правую руку к головному убору.

После подъема флага раздавалась команда:

- Вольно! Разойдись!

На вахту вступала новая смена. Начинались плановые судовые работы, учеба матросов по специальностям, политические занятия.

Если подъем флага всегда проводился торжественно в восемь часов, то спускался флаг каждый день в разное время - с заходом солнца. Построение для спуска флага не проводилось. По сигналу спустить флаг на верхней палубе прекращались все работы и хождения. Каждый был обязан встать по стойке смирно. Офицеры отдать честь спускаемому флагу. Таковы традиции со времен парусного флота.

Перед обедом вахтенный офицер заходил на камбуз, проверял готовность обеда, снимал пробу и приказывал отнести пробу командиру.

Кок ставил на поднос неполную миску с супом, тарелку со вторым блюдом, стакан с компотом, тарелку с двумя ломтиками хлеба, на салфетку клал ложку и вилку.

Переодевшись в чистую белую куртку и такой же колпак, кок торжественно отправлялся в каюту командира. Он осторожно нес поднос словно драгоценный дар.

Чтобы попасть в каюту командира, надо из надстройки спуститься на вторую палубу по крутому трапу. Здесь требовалось искусство жонглера, чтобы, держа поднос одной рукой, не уронить его и не расплескать суп. Рядом с каютой командира располагались кают-компания и две каюты офицеров корабля. Постучав и войдя в каюту командира, кок бойким голосом докладывал:

- Товарищ капитан-лейтенант, проба готова.

Соколов подходил к коку, брал с подноса ложку, съедал две-три ложки супа. Затем пробовал второе блюдо, к компоту не притрагивался.

Кок внимательно следил за выражением лица командира, от заключения которого зависели авторитет кока и его карьера.

От взгляда командира не ускользнуло волнение кока, который недавно прибыл на корабль. Положив ложку на поднос, командир вытирал губы салфеткой и, улыбаясь, произносил:

- Обед хорош, следующий раз прибавь в суп немного соли.
- Есть, товарищ капитан-лейтенант, - отвечал кок, - разрешите идти?
- Идите.

Соколов не любил процедуру снятия пробы в каюте. Обычно перед обедом он заглядывал на камбуз. Там мог убедиться в чистоте и порядке помещения и снять пробу непосредственно из котлов. Много никогда не ел. Обед для офицеров и матросов был общим. Офицеры имели дополнительный паек: сгущенное молоко, консервы мясные и рыбные, галеты, которым могли воспользоваться по своему усмотрению.

В то время на Камчатке не выращивали овощей. Картофель, морковь, свекла и лук поступали в сушеном виде. Сухое молоко и яичный порошок были привычны. Борщи часто варились закладыванием в кипяток из консервных банок готовых кислых смесей. Не все желудки выдерживали такую «диету». Гастрит был распространенной болезнью после службы в северных широтах. Алексея стал беспокоить желудок через два года службы. Дивизионный доктор старший лейтенант Митюк обнаружил у него гастрит и предложил отдохнуть и полечиться в госпитале. Алексей согласился. Этот отдых в дальнейшем сыграл роковую роль в его службе.

После обеда до четырнадцати часов полагался отдых. Можно было спать, читать или писать письма.

Во второй половине дня лейтенант Катков отправился в финансовую часть бригады, расположенную на полуострове Завойко, для получения денежного довольствия экипажу корабля. Он, по совместительству, был внештатным финансистом. Когда сходил по трапу с корабля на причал, приложил руку к фуражке, отдавая честь военно-морскому флагу. Такова традиция.

Если с корабля сходит командир, вахтенный подает команду:

- Смирно!

Все, находящиеся на палубе, должны прекратить любые работы и, стоя, проводить командира.

После длительного плавания Алексей почувствовал, что его покачивает на причале. Выработанная привычка ходить по качающейся палубе в море сохранилась на берегу. Его путь лежал по грунтовой дороге, поднимающейся между двух сопок к центру острова. Ноги месили липкую грязь, от которой ботинки становились тяжелыми, как боты водолаза со свинцовыми подошвами. Он пожалел, что не надел калоши. Офицерам разрешалось в неслужебное время ходить в калошах. В них удобно ходить на танцы в грязную погоду. Снял в раздевалке и идешь в зал в чистой обуви.

Рваные грязные тучи не спеша проплывали над сопками, ветер гнал с океана нескончаемый ряд новых туч, заряженных влагой. Деревья и кустарники по сторонам дороги стояли стыдливо и уныло в своей наготе. Алексей спешил, чтобы вернуться на корабль до дождя. Проходя мимо десятка двухэтажных домов, в которых жили семьи офицеров, вспомнил комнату в одном из домов, которая была отведена молодым лейтенантам. Командование бригады из лучших побуждений оборудовало большую комнату для проживания четырех офицеров. Для каждого была кровать с панцирной сеткой, тумбочка, общий шкаф для одежды и стол. Молодые офицеры не прижились в этой комнате. В поселке, кроме швейной мастерской и магазина, не было общественных учреждений. Кроме того жить на два дома было очень неудобно. Даже бритвенных приборов надо было иметь два комплекта или каждый раз приносить с собой. После нескольких ночевок в комнате Алексей, как и другие офицеры, перебрался на корабль в свою каюту. Здесь было уютнее и все необходимое под рукой. Отсюда было быстрее добраться до Петропавловска-Камчатского. Недалеко от причала всегда дежурили частные моторные лодки, владельцы которых были готовы за умеренную плату перевезти желающих на противоположный берег бухты. В зимний период, когда мелководная часть бухты Раковой покрывалась льдом, вблизи причала дежурили мальчишки школьного возраста с упряжками собак в ожидании офицеров, чтобы лихо перевезти их через бухту. Упряжки собак были неотъемлемой частью пейзажа полуострова Завойко. Начальник базы ОВРа подполковник Вахрушев имел в своем распоряжении упряжку из восьми собак, на которой выезжал по служебным делам. В праздничные и выходные дни главным местом отдыха для молодых офицеров был Дом офицеров. Там можно было посмотреть кино, послушать знаменитых артистов, встретиться с женщинами, услышать их голоса, даже потанцевать. В период хрущевской оттепели известным артистам, сосланным в Магадан, разрешили выезд в города Дальнего Востока. Алексею довелось слушать Л.А.Русланову, В.А.Козина и других мастеров эстрады. Пределом человеческого желания каждого молодого офицера была мечта встретить там ту единственную, которая понравится ему, согласится разделить с ним судьбу и пройти вместе по жизни.

Миновав жилой поселок, дорога с небольшим уклоном потянулась к северной оконечности полуострова Завойко, где размещалось несколько домов штаба бригады охраны водного района.

Полуостров получил название в честь адмирала Василия Степановича Завойко, который в августе 1850 года вступил в должность первого губернатора Камчатки. До этого он служил на кораблях Балтийского и Черноморского флотов, участвовал в

Наваринском морском сражении, совершил два кругосветных плавания. Свои способности он проявил при организации обороны Петропавловска-Камчатского и отражении десанта англо-французской эскадры в 1854 году. Численность десанта неприятеля втрое превосходила численность защитников, оборонявщих город. Англичане и французы не решились пойти на штурм города со стороны причалов, опасаясь встретить сильное сопротивление. Они решили высадиться в стороне от города и обойти его с тыла. Почти три тысячи десантников подошли на шлюпках к косе у подножия «Сопки любви». Завойко это предвидел. Десант был встречен огнем из пушек заряженных картечью. В контратаку пошли солдаты и охотники со своими ружьями, заряженными картечью. Неприятель был загнан в воду, многие не успели забраться в шлюпки, и барахтались в холодной воде под огнем наших винтовок и ружей. Вражеская эскадра потеряла около восьмисот человек. На второй штурм они не решились. Покидая Авачинскую губу, неприятель не ожидал встретить огонь артиллерии с мыса полуострова Завойко. Их провожали салютом, который нанес немалый ущерб личному составу, надстройкам и такелажу кораблей. Адмирал приказал артиллеристам пропустить вражескую эскадру в губу, чтобы не демаскировать себя. Его решение было верным и продуманным.

Героическое сопротивление Петропавловска-Камчатского привело к тому, что Англия после окончания Крымской войны 1854 года отказалась от претензий к России на Дальнем Востоке. Способности В. С. Завойко были высоко оценены. Он был переаттестован из генерала в адмиралы и награжден несколькими орденами. В его честь были названы полуостров, мыс, остров, бухта и гора на Сахалине. Во Владивостоке ему поставлен бронзовый памятник. Большевики посчитали, что отважный адмирал недостоин такой чести, и памятник отправили на переплавку, а на его постаменте установили памятник Лазо.

Подходя к финансовой части бригады, Алексей думал, что вот здесь немного больше сотни лет назад проезжал на собачьей упряжке В.С. Завойко, выбирая позиции для установки артиллерии. Это удобное место на северной оконечности полуострова и сегодня служит удобной позицией для наших артиллеристов.

7

Между тем холодная война была в разгаре. Руководители США и СССР сохраняли иллюзии о возможности силового решения проблем международных отношений. Американские самолеты-разведчики с постоянной периодичностью пролетали вдоль берегов Камчатки, часто вторгаясь в наше территориальное пространство. Они контролировали передвижение наших кораблей и морских судов вдоль тихоокеанского побережья страны. Их подводные лодки постоянно появлялись у восточного побережья Камчатки.

К тому периоду относятся рекорды, поставленные нашими подводниками, базирующимися в бухте Тарья Авачинской губы, но из-за секретности они не вошли в книгу рекордов Гиннеса. Наша подводная лодка впервые в мире обошла в подводном положении земной шар и благополучно вернулась на Камчатку. Впервые

подводная лодка прошла подо льдами Северным морским путем. Наши подводные лодки постоянно дежурили в мировом океане у западных берегов Америки.

Полеты американских самолетов около Камчатки вносили беспокойство и нервозность в наших частях и соединениях. На корабле объявлялась по несколько раз в день боевая тревога. Пушка и зенитные автоматы заряжались боевыми снарядами. Прислуга была готова в любой момент открыть огонь по воздушной цели. Локатор обшаривал небо, взоры сигнальщиков и офицеров на мостике устремлялись в сторону океана.

Самолеты-перехватчики с наземных аэродромов поднимались в воздух, чтобы не допустить самолеты враждебной стороны к Авачинской губе.

Как-то после отбоя воздушной тревоги старшина Николай Щербань, возмущенный постоянными тревогами, подошел к Алексею и с возмущением произнес:

- Неужели наши летчики не могут подкараулить американский разведчик в море и сбить, чтобы не портил нам жизнь?

- Ты скажи американцам спасибо, что они не летают ночью, - ответил лейтенант.

Пожелания Николая оказались пророческими. Вскоре по несколько раз в неделю по союзному радио диктор сообщал, что в районе Камчатки американский разведчик вторгся в наше воздушное пространство. Наши самолеты-перехватчики открыли огонь, и он скрылся в сторону моря. Это означало, что самолет был сбит. Военные понимали, что несколько истребителей не могли промахнуться в разведчика. Щербань ликовал: «Может скоро прекратятся постоянные воздушные тревоги».

Американцы прекратили рискованные полеты после посещения в сентябре 1959 года Н.С.Хрущевым Соединенных Штатов Америки, но договоренность оказалась непрочной. Первого мая 1960 года американский самолет- разведчик У-2 выполнял очередной полет над территорией СССР. Целью полета была фотосъемка военных и гражданских объектов, запись сигналов радиолокационных станций. Маршрут полета проходил из Пакистана через Афганистан. Советскую границу самолет пересек в Таджикистане в районе города Кировабада на высоте 20 километров. Он летел по маршруту Аральское море – Свердловск – Киров – Архангельск – Мурманск. Приземлиться планировал на военном аэродроме в Норвегии. Американцы надеялись, что в праздничный день бдительность нашей противовоздушной обороны будет понижена. Они ошиблись. Пилоту Пауэрсу не удалось выполнить задание. Самолет был обнаружен при пересечении границы и сопровождался радарами противовоздушной обороны. Только когда он был над Свердловском, поступила команда: «Цель уничтожить». Самолет был сбит ракетой класса «земля-воздух». Взрывом ракеты около самолета у него было оторвано одно крыло и повреждено хвостовое оперение. Падая по вращающейся траектории, пилот не стал катапультироваться. Он знал, что при нажатии кнопки катапульты произойдет взрыв, который разнесет в клочья его и все, что осталось от самолета, чтобы скрыть следы преступления. Пауэрс выбрался из кабины падающего самолета и на высоте пяти километров раскрыл парашют. По приземлении его задержали местные жители около деревни Косулино. На суде пилот чистосердечно

все рассказал. Его осудили на десять лет. Затем в 1962 году обменяли на нашего разведчика Рудольфа Абеля.

Инцидент над Свердловском произошел через три года после описываемых автором событий на Камчатке.

У командира корабля капитан-лейтенанта Соколова при медицинском осмотре обнаружили заболевание верхних дыхательных путей. Медицинская комиссия рекомендовала перевести его служить на берег в другой климатический район. Ему предложили должность военкома в одном из районов Новгородской области. Это была его родина, и он согласился.

Проводы командира были очень трогательными и печальными. Он был непререкаемым авторитетом среди офицеров и матросов, пользовался их любовью и уважением. Матросы к нему давно привыкли как к отцу - командиру и думали, что закончат службу под его командованием. Офицеры тоже не предполагали скорой разлуки.

В кают-компании состоялся прощальный завтрак и откровенный разговор. Первым начал говорить механик Всеволод Горбунов. Он служил вместе с Соколовым со дня ввода корабля в состав Флота.

- Я слышал, что наш корабль собираются сделать головным в ПУГе?

ПУГ – поисковая ударная группа, состоящая из нескольких охотников. На флагманском корабле группы командир и все офицеры имеют возможность получить звание на ранг выше, чем на остальных кораблях. Сева надеялся получить звание капитан-лейтенанта. Он был фронтовик, имел большую выслугу лет и хотел дослужить на своем корабле до пенсии.

- Приказ готовился, но теперь, видимо, назначат другой корабль, - ответил Соколов.

- Почему? - удивился Алексей.

- На головном корабле должен быть опытный командир. На нашем охотнике уважаемый Пименов не успел сдать экзамены дивизионным специалистам на самостоятельное управление кораблем.

- Кого назначат к нам командиром? - поинтересовался Пименов.

- Я предлагал назначить Вас, но командир дивизиона Горшколепов сказал: «Когда сдаст экзамены на самостоятельное управление кораблем, тогда назначим».

Штурман пожалел, что не торопился сдавать экзамены. При данном стечении обстоятельств он мог стать командиром корабля, так как прошел хорошую практику под руководством Соколова по швартовке и постановке корабля на якорь. Вождение корабля в океане было его специальностью.

Алексею хотелось сказать командиру что-нибудь приятное, и он произнес:

- Я хочу поблагодарить Вас, товарищ капитан-лейтенант, за то, что вы меня после курсантской практики пригласили служить на вашем корабле.

- Надеюсь, что ты надолго останешься патриотом больших охотников, - сказал Соколов.

- Кто же к нам придет командиром? - поинтересовался Горбунов.

- Горшколепов рекомендовал командиру бригады назначить старшего лейтенанта Рузина с четырехсотого охотника.

Алексей хорошо знал Михаила Рузина еще по училищу. Он окончил училище на два года раньше Алексея. Был холост. Они не были друзьями, но много раз встречаясь в Доме офицеров и в ресторане, установили приятельские отношения. Михаил был энергичным и решительным, выше среднего роста, со светлыми, слегка вьющимися волосами. Его характер был твердый, со склонностями к приключениям и авантюрам. Он не любил официальности и относился к людям просто и доброжелательно. Его крепкое телосложение выдавало незаурядного спортсмена. « Буду служить под началом однокашника, - подумал Алексей, - это, может быть, даже к лучшему».

Провожать командира на палубе выстроился весь экипаж. Вахтенный офицер подал команду: «Смирно!» и доложил Соколову, что команда построена по случаю его отъезда. Установилась гробовая тишина, никто не смел пошевелиться. Глаза пятидесяти человек впились в своего командира. В них были горечь расставания, сожаление о судьбе командира и обеспокоенность за свою дальнейшую службу. Соколов все это понял. Он сам с тяжелым грузом на душе покидал корабль, с которым его судьба была связана многие годы. Корабль был его главным домом, а экипаж - второй семьей. До конца жизни ему будут вспоминаться и сниться переход от Волги до Камчатки и другие тысячи миль, пройденные по морям и океанам.

Всегда уверенный и твердый голос командира дрогнул. После короткой речи простился за руку с каждым членом экипажа и направился к трапу, отдавая честь флагу, кораблю, сослуживцам. Вахтенный офицер скомандовал:

- Смирно!

Офицеры приложили руки к фуражкам. Прощание было грустным и тяжелым, у многих на глазах наворачивались слезы. У Алексея подкатил комок к горлу.

На причале Соколова ждали офицеры с других кораблей, чтобы проститься и проводить до ожидающего его катера. Уезжал Соколов вместе со своей женой, которая многие годы следовала за ним, стойко перенося все тяготы жены морского офицера.

8

Вскоре командир дивизиона больших охотников за подводными лодками капитан третьего ранга Горшколепов представил экипажу нового командира корабля старшего лейтенанта Михаила Рузина.

Новый командир, поздоровавшись с командой, объявил, что завтра корабль выходит в море на плановое дежурство, и он познакомится с каждым матросом на его боевом посту. Это решение было встречено с одобрением. Многие поняли, что командир не будет чуждаться рядового состава, при встрече можно будет с ним поговорить и задать вопросы.

После завтрака на корабле был подан сигнал: «По местам стоять, с якоря сниматься!»

На ходовом мостике рулевой, сигнальщик и Алексей, как вахтенный офицер, внимательно наблюдали за новым командиром и ожидали его команд. Рузин, в свою очередь, с высоты ходового мостика наблюдал за действиями палубной команды. На баке боцман торопил матросов, разматывающих шланги для смыва ила с

якорной цепи, на шкафуте матросы давали слабину швартовым тросам, чтобы в любой момент можно было снять их с кнехтов на причале.

Убедившись в готовности палубной команды, Рузин негромко, чтобы мог слышать вахтенный офицер, произнес:

- Отдать кормовой!

Алексей в рупор громко повторил команду. Матрос ловким движением троса вверх сбросил его петлю с кнехта на причале и начал наматывать на кнехт корабля.

- Отдать носовой! Шпиль пошел! Кранцы на борт! - повторял Алексей команды командира.

Корабль медленно отходил от причала. Когда якорь оказался в клюзе, боцман доложил:

- Якорь чист!

Командир перевел рукоятки машинного телеграфа на малый ход, и корабль, повинуясь ему, стал медленно набирать скорость.

На корабле ничего не изменилось. Те же команды подает новый командир, так же четко выполняет их команда. Алексей вспомнил капитан-лейтенанта Соколова, под командованием которого прослужил более двух лет и относился к которому как ученик к учителю. «Где он сейчас? Каково состояние его здоровья?» - думал он. К Михаилу Рузину он относился как к старшему по положению и званию, соблюдая все тонкости субординации. Рузин был старше его на два года, службу офицером начал на охотнике, прошел все ступени служебной лестницы. Был командиром артиллерийской боевой части, помощником командира корабля и вот теперь стал командиром корабля. Устройство корабля и всю технику знал досконально от киля до клотика, командиром корабля чувствовал себя очень уверенно.

В это время корабль вышел из бухты Раковой в Авачинскую губу, по правому борту на склоне сопки открылся город Петропавловск-Камчатский. Он, шириной в две-три улицы, растянулся вдоль бухты километров на пять в каждую сторону. Застроен был одно- и двухэтажными домами. Только Дом офицеров и Обком партии были выше.

Петропавловск-Камчатский был основан в 1740 году на месте камчадальского селения Аушин, где зимовала Вторая Камчатская экспедиция В.И. Беринга и А.И. Чирикова, которые основали острог. Свое название острог, а затем город получили от названия кораблей экспедиции – «Святой апостол Петр» и «Святой апостол Павел».

Корабль подошел к створам для выхода из Авачинской губы в океан. Командир подал команду:

- Лево руля!

Рулевой резко переложил румпель влево, и корабль начал описывать циркуляцию, не попадая на створы.

- Одерживай! - приказал Рузин.

Рулевой понял свою оплошность и вывел корабль точно на створы.

- Так держать! - сказал командир больше для порядка, чем по необходимости.

За кормой быстро удалялся город. За ним лежали заснеженные вершины сопок и вулканов, сверкая в лучах осеннего солнца. При выходе из Авачинской губы стояло боновое заграждение с противолодочной сетью, препятствующее проникновению в

губу кораблей и подводных лодок противника. Около прохода в бонах постоянно дежурил катер брандвахты, который мог в любой момент перекрыть проход. Он запросил позывные охотника. Командир приказал включить ответчик.

За боновым заграждением корабль приветствовали в почетном карауле «Три каменных богатыря», поднимающиеся из воды острыми пирамидами.

Океан встретил приветливо, по его поверхности катились небольшие волны, видимость была хорошей, на небе сияло солнце. Стояли последние теплые дни камчатской осени.

Корабль приступил к боевому дежурству. В его задачу входил поиск неизвестных подводных лодок, пытающихся проникнуть в Авачинскую губу. Гидроакустики круглосуточно прослушивали и просматривали океан, велась обычная боевая подготовка. Зона поиска была против Авачинской губы. Корабль тридцать минут двигался на север, затем разворачивался на сто восемьдесят градусов и ложился на обратный курс. Через тридцать минут все повторялось. Это была однообразная и рутинная работа. За первые сутки дважды объявлялась воздушная тревога по сообщению из штаба бригады о приближении к нашим водам американского самолета, разнообразие внес обнаруженный гидроакустиками неопознанный предмет под водой, движущийся в сторону берега. Вскоре выяснилось, что это большой косяк рыбы, а не подводная лодка.

На третий день встретили рыболовный сейнер. Рыбаки подавали сигнал, чтобы корабль подошел к ним. Когда командир подвел корабль к дрейфующему судну, то все, находящиеся на мостике, увидели груду крабов на палубе сейнера. С рыболовного судна в рупор спросили:

- Крабов надо?

На Камчатке крабы не редкость, но кто может отказаться от такого дара?

- С удовольствием возьмем, - ответил в мегафон командир.

Сейнер подошел к кораблю, рыбаки вместо кранцев опустили за борт автомобильные покрышки, чтобы не поцарапать борт охотника и стали забрасывать на палубу огромных крабов.

На палубе около крабов появился Перминов. Он отвечал за питание команды. С удивлением спросил у рыбаков, чем вызван этот дар. Капитан сейнера ответил, что они ведут рыбный промысел, крабы случайно попали в их сети.

- Чем мы можем вас отблагодарить? - спросил Юрий Семенович.
- У нас кончились крупы.
- Овсянка подойдет?
- Вполне, будем рады, - ответил капитан сейнера.

Пименов послал двух матросов к баталеру, чтобы тот выдал мешок овсянки.

Вскоре мешок крупы перекочевал на сейнер, и корабли разошлись своими курсами к обоюдному удовольствию команд.

На палубе корабля под рострами стоял алюминиевый бак куба на четыре для подогрева воды паром во время большой приборки. Матросы заложили крабов в бак, залили их морской водой и подключили пар. Когда крабы сварились, воду спустили, дали крабам остыть, и началось пиршество свободной от вахты смены. Крабов ели несколько дней. Кок принес на мостик большой противень с ногами и клешнями морских гигантов. Алексей легко разрезал острым ножом панцирь

суставов клешней и извлекал вкусное бело-розовое мясо. Больше двух клешней за прием он не смог съесть.

Камчатских крабов называют гигантскими, королевскими, красными крабами. Размах их ног достигает больше, чем размах рук человека. Их относят к отряду десятиногих беспозвоночных животных. Они распространены только на Дальнем Востоке.

С мостика хорошо просматривались камчатские крутые берега с многочисленными сопками и заснеженными вершинами вулканов на заднем плане. Этот пейзаж радовал взгляд Алексея. Он не раз ловил себя на мысли: «Вот бы побродить с ружьем среди этих сопок». Ему рассказывал дивизионный специалист гидроакустик Сальников, который иногда выходил в море на их корабле, о своем тесте, который родился на Камчатке и был профессиональным охотником. Сальников говорил без эмоций, так, между прочим, что тесть добыл сорок пять соболей и принес из тайги желчь трех медведей. Такие рассказы захватывали Алексея, ему хотелось знать подробности, он просил Сальникова познакомить его с тестем. В душе лелеял надежду, что, может быть, удастся договориться провести свой отпуск со стариком в тайге.

Постепенно Алексей перевел свой взгляд с берега на воду. На мостик доносился запах моря. На лице ощущалось слабое дыхание ветра. Перед кораблем постоянно взлетали табуны морских уток. Они настолько были жирными, что не могли сразу оторваться от воды. Бежали перед носом, хлопая крыльями и перебирая ногами по воде.

- Вот бы поохотиться на эту дичь, - мечтательно произнес Алексей.
- Неси ружье или заряжай дробью пушку, - пошутил Рузин.
- Ружье дома в Новосибирске, - с сожалением ответил Алексей.

Он запомнил этот разговор и решил в очередной отпуск привезти ружье. Ему хотелось продолжить разговор об охоте, но в это время на мостик поднялся химик старший матрос Свиридов. Он громко спросил:

- Товарищ старший лейтенант, разрешите подняться на мостик!
- Заходите, - ответил Рузин и вопросительно посмотрел на пришедшего.
- Разрешите с мостика сфотографировать берега? - продолжил химик, - очень красивые виды.
- Фотографируйте, - разрешил командир.

На корабле запрещалось фотографировать любые надстройки и соседние корабли. Матросы брали фотоаппараты в увольнение. В Петропавловске-Камчатском было предостаточно исторических памятников и мест, которые можно было запечатлеть на память.

9

Совместные учения больших охотников и подводной лодки проводились у восточного побережья Камчатки. Три охотника шли фронтальным строем в районе мыса Шипунского, куда заблаговременно вышла подводная лодка. На ее борту был представитель дивизиона охотников. Корабль с триста девяносто восьмым номером

на борту шел на правом фланге, мористее остальных кораблей. На мостике рядом с командиром стоял посредник с подводной лодки.

Погода благоприятствовала учениям. Яркое солнце слепило глаза и отогревало людей после пронизывающих ветров. Над кораблем кружили неугомонные чайки, с воды постоянно поднимались табуны перелетных уток. Среди них выделялись красочным оперением, как у попугаев, утки-топорики с большим красным клювом. Море, уставшее после штормов, легонько переливалось мертвой зыбью.

Учение проводилось в два этапа. На первом этапе необходимо было обнаружить и атаковать подводную лодку. На втором - не допустить ее проникновение в одну из бухт Шипунского полуострова.

Поиск подводной лодки длился довольно долго, прежде чем гидроакустик доложил, что слышит шум винтов лодки.

На мачте корабля взвились флаги – обнаружил лодку, иду в атаку. Корабль изменил курс и полным ходом пошел в открытое море.

Алексей сидел в рубке за гидроакустическим монитором. На его экране стала высвечиваться ярким пятном лодка. Он постоянно докладывал командиру расстояние до цели и ее курс. Корабль имел превосходство в скорости, и Рузин лег на курс атаки. При пересечении курсов охотника и лодки Алексей должен был подать команду о бомбометании. Вместо глубинных бомб в воду бросали ручные гранаты. Если разрывы гранат слышались на лодке, считалось, что корабль успешно выполнил свою учебную задачу.

Алексей напряженно смотрел на экран, надо было не упустить момент бомбометания, не проскочить лодку.

Неожиданно лодка изменила курс на девяносто градусов и стала уходить в сторону. Кораблю надо было менять курс, чтобы атаковать лодку. На мостике раздался голос сигнальщика:

- Торпеда слева по борту, идет на пересечение курса!

Через считанные секунды торпеда могла пройти под днищем корабля. Она оставляла след на поверхности моря воздушными пузырями от винта работающего парового двигателя. Командир подал команду рулевому:

- Лево на борт!

Корабль резко наклонился на левый борт в сторону торпеды, на столе штурмана поехали по карте металлические грузики, придавливающие ее к столу, Алексей с трудом удержался на приставном стульчике, чтобы не оказаться на палубе рубки.

Корабль успел отвернуть от торпеды, она прошла буквально в двадцати метрах от борта встречным курсом.

Посредник с подводной лодки ожидал стрельбы торпедой по охотнику. Он первым обнаружил след торпеды, но помалкивал. Его задачей было зафиксировать прохождение торпеды под днищем корабля. На торпеде устанавливалась глубина движения больше, чем осадка корабля, чтобы сохранить торпеду в целости и не повредить борт корабля. Подводник с сожалением о неудачной атаке лодки следил за следом торпеды. Она всплыла вдали за кормой в вертикальном положении, покачивая пустой боеголовкой, выкрашенной в красный цвет.

Учения длились несколько дней. После их окончания корабли зашли в одну из бухт полуострова Шипунский и встали на якорь. Командам было дано два дня на

отдых. Алексей спросил разрешения у командира спустить на воду шлюпку и отойти к берегу для рыбалки. Получив разрешение, зашел в радиорубку и попросил радиста объявить по трансляции команду:

- Рыбакам собраться на корме, шлюпку подготовить к спуску.

Алексей, сидя в шлюпке за рулем, подал привычную команду:

- Уключины вставить, весла разобрать!

Выждав, когда весла оказались в уключинах, скомандовал:

- Весла на воду, навались!

Шлюпка стремительно понеслась к берегу по морской глади, разрезая форштевнем воду и оставляя кильватерную струю за кормой. Всем хотелось скорее начать рыбалку. Рыбакам надо было найти у берега, на глубине около пяти метров, заросли ламинарии. Это - морская капуста с листьями длиной несколько метров. Среди таких зарослей всегда водятся морские окуни. На подходе к берегу один матрос предложил:

- Товарищ лейтенант, высадите меня на берег, я нарву черемши.

Предложение было разумным. Витамины команде нужны. На Камчатке, в сыром и теплом климате, черемша растет до полуметра высотой и толщиной с палец.

Высадив на берег трех добровольцев, начали рыбачить. Первой наживкой был кусок селедки, затем первого окуня разрезали на наживку. Клев был замечательным, крупные окуни подпрыгивали в алюминиевом бачке, взятом у кока на камбузе. Неожиданно Алексей увидел своих матросов, бегущих по галечной отмели со скоростью, как при сдаче стометровки на значок ГТО. Они кричали и махали руками, чтобы шлюпка подошла к берегу.

Только оказавшись в шлюпке, на почтительном расстоянии от берега, старшина второй статьи Стрепетов смог членораздельно рассказать:

- Поднимаемся мы по ущелью, рвем среди высокой травы черемшу, вижу впереди себя теленка. Думаю, как в этом месте мог оказаться теленок. Крикнул ребятам:

- Смотрите, теленок!

После крика из травы поднялась голова медведя. Я закричал не своим голосом:

- Полундра, бежим вниз!

Матросы бежали за мной, а я думал, что медведь гонится. . .

Вечером, поднявшись на ходовой мостик, Алексей стал в бинокль рассматривать берег. Местность была дикой и пустынной. От уреза воды повсеместно поднимались крутые горы. Их склоны были изрезаны распадками, по которым текли ручьи, как кровь из незаживающих ран. Был отлив, вода на несколько метров отступила и оголила морское дно, по которому гуляли медведи и поедали дары моря. Он насчитал семь особей в разных концах бухты. Ничего не было удивительного, что эти дикие места облюбовали медведи. Охотничьи страсти тут же взыграли в нем, и Алексей отправился к командиру корабля.

- Товарищ командир, разрешите завтра сойти на берег поохотиться?

- На кого собрался охотиться?

- На медведей.

- Зачем нам медведь, мяса вдоволь. Вот свежая рыба была кстати.
- Хочу вам медвежью шкуру подарить, чтобы лежала в каюте на полу, - стал Алексей давить на его самолюбие.
- Зачем она мне?
- Придут к вам командиры других кораблей и ахнут от зависти.
Немного подумав, Рузин сказал:
- Добро. Шлюпка должна ждать тебя у берега. Если услышишь сигнал ревуна, немедленно возвращайся на корабль.
Есть! – ответил Алексей и быстро вышел из каюты, чтобы командир не передумал. . .
Рано утром шлюпка отвалила от корабля. За веслами сидели любители рыбалки. Алексей и старшина первой статьи Николай Щербань держали в руках карабины. Море слегка штормило, приятно покачивало шлюпку. Когда до берега оставалось метров пятьдесят, от воды побежал в гору медвежонок. Алексей выстрелил несколько раз, но промахнулся. Попасть в движущуюся цель с качающейся шлюпки довольно сложно.
Охотники медленно поднимались по распадку между двух сопок. Растительность напоминала джунгли. Она была трехъярусной. По склонам росли редкие толстые березы, изогнутые и изуродованные шквальными ветрами на побережье океана, под ними - заросли жимолости и калины, ниже росла трава высотой выше пояса. Увидеть в таких дебрях зверя было проблематично. Алексей и Николай настойчиво поднимались в гору, надеясь наудачу. Перед ними открылась небольшая поляна, на которой лежало поваленное дерево. Охотники присели, чтобы отдохнуть. Щербань достал пачку сигарет и решил закурить.
- На охоте не курят, - остановил его Алексей, - у зверя прекрасное обоняние, он нас сразу учует.
- Вы думаете, в этих зарослях мы сможем кого-нибудь увидеть?
- Поживем, посмотрим, - ответил лейтенант.
В это время в кустах послышался треск и торопливые шаги. Алексей приложил палец к губам, давая понять, что надо сидеть тихо.
На поляну рысцой выбежал медведь и стал перед ними ее пересекать. Цель была крупной и на небольшом расстоянии. Как в тире, Алексей прицелился в лопатку и выстрелил. Трассирующая пуля из карабина попала медведю в бок, но не остановила его бега. Это озадачило Алексея, и последующие два выстрела он сделал второпях и промахнулся. Щербань тоже сделал два промаха. Медведь скрылся в кустах. На следах, оставленных зверем, крови не было видно.
- Зверь ранен, надо быть осторожным, он может затаиться и ждать нас у своего следа. Давай поступим так, - предложил Алексей Николаю, - ты будешь держать карабин на изготовке и идти рядом со мной, а я буду разыскивать след в траве.
Они шли по его следу, ориентируясь по примятой траве. След привел к пересохшему ручью, на песчаном русле которого четко виднелись следы топтыгина, уходящие вниз к морю. Через сотню метров в русле ручья

обнаружили медведя. Он бежал вниз, пока не столкнулся с препятствием – вершиной поваленного поперек ручья дерева. Пуля прошла навылет через легкие. Вдвоем они не смогли сдвинуть тушу с места, пришлось Щербаню идти за помощью. Прибывшие на помощь матросы срубили довольно толстую березу, просунули ее ствол между лап, связанных ремнями от карабинов. Шестеро матросов взвалили груз на плечи и двинулись вниз по руслу ручья к морю. Груз был нелегкий, они сгибались под его тяжестью. Когда тушу погрузили в шлюпку, медведь занял почти все пространство, шлюпка сильно осела. Разместиться всем присутствующим в шлюпке не представлялось возможным. Алексей взял в руки две матросские бескозырки и стал подавать над головой сигнал вызова. Вахтенный сигнальщик на корабле заметил вызов и подал прожектором сигнал готовности читать сообщение. Морским семафором Алексей написал: «Прошу выслать вторую шлюпку». Со всех кораблей сигнальщики увидели добычу. Вскоре к охотникам наперегонки неслись три шлюпки. Мясом поделились с командами всех кораблей. Это событие осталось в памяти у всех участников того учения. Старший матрос Свиридов имел с собой фотоаппарат и сделал неплохие снимки.

На следующий день к Алексею подошел матрос Ивакин, недавно прибывший на корабль из учебного отряда.

- Товарищ лейтенант, разрешите обратиться, - произнес он нетвердым голосом.

- Обращайтесь, - произнес Алексей, глядя на смущенное выражение лица матроса.

- Разрешите мне сегодня пойти на шлюпке с рыбаками, - произнес он. Затем добавил:

- У меня есть леска и крючки.

Алексей вспомнил, какие трепетные чувства он испытывал, когда в десятилетнем возрасте просил пожилого рыбака взять его на рыбалку в море. Ему стало жаль матроса, и он произнес:

- Скажите старшине Щербаню, что я не возражаю.

На лице Ивакина засияла счастливая улыбка, и он радостно произнес:

- Разрешите идти?

- Идите.

Выслушав просьбу Ивакина, старшина Щербань спросил:

- А кто будет готовиться к экзаменам на классного специалиста?

- Я обещаю Вам, что все выучу и сдам экзамен.

- Шлюпка укомплектована рыбаками, пойдешь вместо меня при условии, что сдашь экзамены не ниже, чем на второй класс.

- Обещаю, что обязательно сдам экзамены, - уверенно произнес Ивакин.

Он сдержал свое слово. Стал специалистом первого класса и вскоре командиром боевого поста второго зенитного автомата.

Вторая Израильско-Египетская война 1956-1957 годов, называемая Суэцким кризисом, началась с целью изменения политического режима в Египте и сохранения контроля над Суэцким каналом. Великобритания и Франция выступили на стороне Израиля и отказались продавать Египту оружие. Их палубная авиация уничтожила на земле значительную часть египетских самолетов, а наземные войска заняли зону канала. Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция прекратили финансирование строительства Асуанской плотины. Президент Египта Насер в ответ на действия Англии и Франции объявил о национализации Суэцкого канала с целью использования средств от его эксплуатации на строительство Асуанской плотины.

Советский Союз поддержал Египет. В 1956 году заключил с ним договор на поставку оружия. Н. С. Хрущев угрожал Израилю, Англии и Франции нанести по этим странам ракетные удары, если они не прекратят агрессии. Мир стоял на пороге ядерной войны.

В разгар этих событий к Алексею пришел посыльный от командира дивизиона и передал приказание немедленно прибыть к капитану третьего ранга Горшколепову.

Теряясь в догадках, Алексей отправился на корабль, на котором был поднят флаг командира дивизиона. Корабли дивизиона были пришвартованы бортами друг к другу. Переходя по узким деревянным трапам с корабля на корабль, он поспешно отдавал честь флагам. Войдя в каюту командира дивизиона, доложил:

- Лейтенант Катков прибыл по вашему приказанию.

Безо всяких предисловий Горшколепов сообщил:

- Вы временно переводитесь служить на сторожевой корабль «Лось». До двадцати четырех часов надо быть на новом месте службы.

От такой неожиданности Алексей не задал ни одного вопроса, только промолвил:

- Через час уходит последний катер в Петропавловск-Камчатский.
- Времени достаточно, чтобы собраться, - сказал капитан третьего ранга.
- Кому передать дела? - пролепетал Алексей.
- Передашь, когда вернешься. Выполняй приказ.
- Есть, - ответил Алексей и с недоумением вышел из каюты.

На своем корабле пошел к командиру. Михаил Рузин знал, что Алексея направляют в командировку на сторожевой корабль, но не мог объяснить причин.

- Не переживай, - сказал Рузин, - изучишь самый современный корабль, освоишь систему управления огнем палубной артиллерии. В жизни пригодится. Он протянул Алексею руку и пожелал три фута под килем.

Простившись с командиром, Алексей зашел в каюту к Юрию Перминову. Там он застал механика Всеволода Горбунова. По их лицам он понял, что прервал откровенный разговор, который не был предназначен для других ушей. Юрия и Всеволода связывала давняя дружба. Горбунов был значительно старше, имел двоих детей дошкольного возраста. Его жена, тихая спокойная женщина, все свободное время уделяла детям. Ее не тяготила жизнь в маленьком поселке,

оторванном от цивилизации. Она знала, что со временем мужа переведут служить на другой флот, и стойко переносила все тяготы жизни жены морского офицера.

Совсем другой была жена у Перминова. Она выросла в Ленинграде, любила посещать театры, музеи, выставки. Ее самолюбие тешило нахождение с ней рядом сначала курсанта, а затем морского офицера в парадной форме. Выходя замуж, она знала, что придется с мужем уехать из Ленинграда, но не представляла, что может оказаться в таком месте, где нет никаких общественных заведений, даже школы. Окончив педагогический институт, она наотрез отказалась идти работать в штаб или в швейную мастерскую. Другой работы на полуострове не было. Безделье и длительное отсутствие мужа разъедали ее душу. В семье начались ссоры и раздоры. Юрий часто делился с Всеволодом своими семейными проблемами. Видимо, в такой момент откровенных разговоров застал Алексей друзей. Он сказал, что ненадолго покидает корабль, простился и вышел из каюты. Затем спустился в кубрик к комендорам. Там матросы «забивали козла». Так называется игра в домино. Костяшками со всей силы били по металлическому столу. Звук разносился, как от выстрела крупнокалиберного автомата. Увидев лейтенанта, матрос, сидящий у входа, закричал:

- Встать! Смирно!

- Прошу садиться, - сказал Алексей.

Матросы предложили лейтенанту сыграть с ними в домино на вылет. Он иногда в свободное время принимал участие в игре, даже организовал турнир между боевыми частями. Это сближало его с матросами, которые часто делились своими чаяниями и переживаниями. Дисциплина на корабле держалась не на строгости и окриках офицеров, а на взаимном доверии и уважении друг друга. Алексей отказался играть и подозвал к себе старшину первой статьи Щербаня.

- Николай, - обратился к нему Алексей, - я уезжаю на неопределенное время, прошу тебя следить, чтобы в боевой части был полный порядок.

- Есть, - коротко по-уставному ответил старшина и добавил, - не беспокойтесь, товарищ лейтенант, будет полный порядок.

В каюте Алексей положил в балетку – маленький чемоданчик, в котором балерины носят свои туфли, бритвенный прибор, туалетные принадлежности и задумался. Затем бросил туда запасные носки и трусы. Другие вещи решил не брать, поскольку покидал корабль на время.

Его никто не провожал. Отдав честь флагу, сошел на причал и отправился к рейсовому катеру, следовавшему до Петропавловска-Камчатского. На катере его одолевали мысли – зачем он нужен на сторожевом корабле, тем более, временно? Ничего не придумав, стал рассматривать окрестности по правому борту катера, который, обогнув мыс, шел вдоль берега к городу. На высоком плато среди одноэтажных домов выделялась группа из восьми двухэтажных брусчатых домов. Они казались великанами на фоне маленьких домов-пигмеев. В одном из этих домов он бывал в гостях у приятеля, который женился на местной девушке. Дальше показался причал, которым служил

корпус некогда знаменитого парохода «Теодор Нетте». Катер прошел мимо и пришвартовался к пассажирскому причалу, у которого стоял самый большой пассажирский пароход страны – «Советский Союз».

Этот фешенебельный пароход был построен в Англии для Германии и назывался «Ганза». Некогда был личным пароходом фюрера. Гитлер любил бывать на нем и наслаждаться в музыкальном салоне игрой лучших пианистов Германии. В 1943 году пароход был торпедирован и потоплен. Вскоре после войны его подняли и передали в качестве трофея Советскому Союзу. В нашей стране его отремонтировали, переоборудовали, удлинили на 20 метров, и он многие годы курсировал между Владивостоком и Камчаткой.

Алексей вспомнил, как возвращался из очередного отпуска на нем из Владивостока. Это было приятное продолжение отпуска. Небольшие волны, бьющиеся в борт, не могли раскачать махину, глубоко сидящую в воде. Они отскакивали от него, как мячик от стены. В двух кинотеатрах парохода каждый день показывали новые фильмы, в танцевальных салонах звучала музыка вальсов. Залы отдыха были обставлены мебелью из красного дерева, кресла и диваны обтянуты кожей. Пассажиры читали газеты, играли в шахматы и преферанс.

Забегая вперед, скажу, что в восьмидесятые годы прошлого века пароход был списан. В 1982 году, переименовав его в «Тобольск», продали Японии на металлолом. Своим ходом ветеран ушел в свой последний рейс.

Воспоминания Алексея прервал гудок катера, который кормой подходил к причалу. Сойдя на причал по узкому трапу, Алексей осмотрелся. Всего в сотне метров от него у флотского причала номер два красовались выстроенные в ряд, кормой к причалу, эскадренные миноносцы и сторожевые корабли. Все они были выкрашены в один темно-синий цвет, называемый шаровым. Напрямую вдоль берега к кораблям пройти не представлялось возможным из-за складских помещений и заборов. Алексею пришлось выйти с пассажирского причала на главную улицу города, пройти по ней до спуска на второй причал и отправиться разыскивать свой новый корабль. У встречного офицера спросил:

- Скажите, пожалуйста, который сторожевик «Лось».
- Третий после эсминцев, - ответил офицер.

Все сторожевые корабли, пришедшие на Камчатку, носили названия рогатых копытных животных. Среди них были «Олень», «Лань», «Лось», «Зубр» и другие.

Поднявшись по трапу на корму сторожевика и козырнув флагу, Алексей обратился к вахтенному матросу:

- Мне надо пройти к командиру корабля.
- Подождите одну минуту, я вызову вахтенного офицера, - сказал тот и нажал кнопку около флагштока.

Моментально из открытой двери надстройки появился офицер с нарукавной повязкой и кортиком на боку. Алексей успел рассмотреть его пока тот шел по длинному баку корабля до кормы. Высокого роста, стройный, в черной шинели и фуражке, он казался выше собственного роста. Подойдя к Алексею, представился:

- Старший лейтенант Касинский, слушаю Вас внимательно.

В его карих глазах одновременно были видны смешинка, удивление и вопрос. Черные усики приподнимались вместе с верхней губой, когда он начинал говорить. На прямом красивом носу слегка раздвигались ноздри.

- Я временно назначен служить на Ваш корабль, - произнес Алексей.

- Прошу показать Ваше предписание или приказ.

- У меня их нет.

- Надеюсь, удостоверение личности у вас есть?

Алексей вынул из нагрудного кармана кителя свое удостоверение и протянул Касинскому. Тот раскрыл удостоверение, посмотрел на фотокарточку, перевел взгляд на Алексея и вернул ему документ.

- Пойдемте со мной, - сказал вахтенный офицер, - я провожу вас к командиру.

Они вошли в дверь надстройки, прошли по узкому проходу, затем свернули по коридору вдоль корабля, спустились на нижнюю палубу и оказались в отсеке офицерских кают. Касинский постучал в одну из дверей. За дверью послышался голос: «Войдите». Касинский открыл дверь и первым вошел в каюту.

- Товарищ командир, к Вам прибыл офицер, - отрапортовал вахтенный офицер.

Алексей вышел из-за спины Касинского и доложил:

- Товарищ капитан третьего ранга, лейтенант Катков прибыл для прохождения службы.

- Наконец - то мне прислали командира БЧ три, - обрадовался командир.

- Я артиллерист, а не минер, - произнес Алексей.

- Как так? - удивился командир, - я делал запрос на минера.

После некоторого замешательства он произнес:

- Обсуждать недоразумение нет времени, через несколько часов выходим в море. Принимайте минно-торпедную боевую часть. После возвращения будем разбираться. Касинский покажет Вашу каюту, познакомит с мичманом Васильковым.

Выйдя из каюты командира корабля, Алексей был расстроен. На сторожевом корабле было два трехтрубных торпедных аппарата, которые были главной огневой силой корабля. Ему предстояло освоить стрельбу из торпедных аппаратов. Он закончил артиллерийский факультет и имел только общее представление о стрельбе из торпедных аппаратов. При стрельбе из корабельных орудий он запрашивал у дальномерщиков дистанцию до цели. По таблицам стрельбы вычислял целик, принимая во внимание скорость хода своего и неприятельского кораблей, курсовой угол, силу ветра и деривацию снаряда. Затем командовал:

- Прицел такой-то, целик такой-то.

Услышав от командира пушки доклад:

- Готово, - громко и четко подавал команду:

- Залп.

Какие делать расчеты и подавать команды при стрельбе торпедами, Алексей не имел понятия. Когда в каюту вошел командир торпедного поста мичман

Васильков, вновь назначенный командир БЧ-3 подробно расспросил его о личном составе и их обязанностях, о торпедных аппаратах. Затем попросил мичмана принести ему имеющуюся на корабле техническую документацию по торпедным аппаратам. Он надеялся изучить правила стрельбы торпедами.

С наступлением темноты на корабле раздался сигнал боевой тревоги. Под покровом ночи эскадренные миноносцы и сторожевые корабли снялись с якорей, и в кильватерном строю эскадра вышла из Авачинской губы в Тихий океан. После отбоя боевой тревоги командир собрал всех офицеров в кают-компании. Алексей внимательно разглядывал присутствующих. Из двенадцати офицеров он был знаком только с командиром и Касинским.

Подождав, когда офицеры успокоятся и усядутся на свои места, капитан третьего ранга Куприянов обвел взглядом всех присутствующих и, не найдя на лицах ничего кроме любопытства, начал речь:

- Международная обстановка очень осложнилась. Англия и Франция ввели свои войска в Египет. Нашей эскадре приказано следовать к берегам дружественной нам страны Египта.

Командир прервал свою речь, выжидая реакцию собравшихся офицеров. В кают-компании установилась зловещая тишина. У Алексея запульсировала кровь в висках. «Вот почему меня в срочном порядке перевели на СКР, не посмотрев в личном деле на мою специальность», - думал он.

Первым прервал молчание сидящий против Алексея капитан-лейтенант:

- Это война?

- Пока нет, но мы должны быть готовы ко всему, - ответил командир.

-« Будет буря, мы поспорим, и поборемся мы с ней», - произнес Касинский слова из песни.

- Не бахвальствуй, - одернул его капитан-лейтенант, - не думай, что это буря в стакане воды. Эти страны располагают атомным оружием.

Позже Алексей узнал, что капитан-лейтенант Задорин был механиком корабля. Старше его по возрасту на корабле был только командир. Механика уважали за его спокойный характер и рассудительность.

- Мы тоже имеем атомные бомбы, - не сдавался Касинский.

- Прекратите споры, - сказал командир, - прошу готовить личный состав к худшему развитию событий.

- У нас на корабле новый офицер, представьте нам его, - попросил Задорин.

- Извините, чуть не забыл. Отдел кадров офицерского состава, наконец, прислал нам офицера на вакантную должность командира минно-торпедной боевой части.

Он посмотрел на Алексея и сказал:

- Представьтесь, пожалуйста, офицерам.

Алексей встал и назвал фамилию и имя.

Катков, как и все офицеры, выбрал профессию моряка по зову сердца. Он морально был готов всегда встать на защиту своей страны и ее интересов. В сложившейся обстановке чувствовал себя подавленным, не готовым выполнять возложенные на него обязанности командира БЧ-3. Он чувствовал себя как

человек далекий от медицины, которому сказали: «В случае необходимости будешь делать операцию по удалению аппендицита».

Вот с такими чувствами пришел он в каюту и стал изучать чертежи и документы, принесенные ему мичманом Васильковым. При начавшейся качке читать было сложно, глаза быстро устали.

11

Кораблям предстояло пройти Тихим и Индийским океанами до берегов Африки. Алексей не мог вспомнить, кто первым назвал океан Тихим. Автор явно ошибся. У океана есть и другое название - «Великий». Это название ему больше подходит.

Утро застало корабли среди разбушевавшейся стихии. Они шли в кильватерном строю, покачиваясь на киль и борта. Постепенно ветер усиливался, достигая девяти баллов. Волны становились круче и поднимались, как тесто на дрожжах. Ударившись о сторожевик, они от злобы бросали брызги и пену на палубу корабля, как разъяренные звери слюну во время драки. Со всех сторон по океану катились огромные валы вздыбленной воды. На вершинах волн вода бурлила, отчего все водное пространство казалось седым. Ветер гнал волны, как пастух стадо, в нужном ему направлении. Воздух был насыщен запахом моря, морских водорослей и влагой. Шум волн, свист ветра в рангоуте сливались в одну могучую симфонию.

Эскадра шла кратчайшим путем в сторону Австралии, где на 147 градусе восточной долготы должна была перейти из Тихого в Индийский океан. В голове колонны шли эсминцы, за ними сторожевые корабли. Алексей большую часть времени проводил на мостике. Ему хотелось познакомиться с офицерами и управлением кораблем. На самостоятельную вахту его не назначали, так как он до выхода в море не имел возможности изучить устройство корабля и сдать экзамен на вахтенного офицера. Днем было жарко, хотя постоянно дул норд-ост. Ночь не приносила прохлады. Несмотря на звездное небо, воздух был влажным, и стояла духота.

В то время, когда эскадра продвигалась полным ходом на юг, на Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций шла дискуссия по Суэцкому кризису, на которой Израиль, Англию и Францию осудили за агрессию. Даже их союзник - Соединенные Штаты Америки не смогли поддержать открыто вторжение союзников в Египет. Агрессоры вынуждены были согласиться на вывод своих войск с территории Египта. Впервые в истории ООН были созданы миротворческие объединенные силы для поддержания мира, которые должны были разместиться в зоне Суэцкого канала.

О происходящем в ООН не было известно на кораблях эскадры. Поэтому было полной неожиданностью получение шифрованной радиограммы, в которой предписывалось вернуться на Камчатку.

Обратный путь в море всегда радостный и кажется короче. Природа радовалась вместе с моряками. Постепенно рассеивались тучи, из-за горизонта

выглянуло солнце и улыбнулось ярко и приветливо. Его лучи играли блестками на гребнях волн, согревали людей, обшивку и такелаж кораблей. В одну из ночей перед моряками предстало необыкновенное зрелище. Потревоженный океан сиял голубыми искрами. Корабли проходили место, заселенное светящимся планктоном.

Алексей на время забыл о своей печали, на душе было радостно и чисто. Он смотрел на океан широко открытыми глазами, обласканный природой, забыл все невзгоды. Он думал, что, как только корабли вернутся в Петропавловск-Камчатский, ему позволят вернуться на охотник.

Вот над бушующим океаном появился одинокий странствующий альбатрос. Это одна из самых крупных морских птиц. Тело его размером примерно с гуся, но размах крыльев доходит до 3,5 метров. Встреча в море чаек обычно свидетельствует о близости земли. К альбатросам такая примета не относится. Они делают кругосветные перелеты над бескрайними просторами океанов. Гнездятся странствующие альбатросы в южном полушарии. Встреча его в океане свидетельствовала, как далеко от родных берегов ушла эскадра.

На кораблях постоянно проводились учения, объявлялись тревоги: воздушная, противолодочная, пожарная, водяная, «человек за бортом» и другие.

Впереди идущий сторожевой корабль продублировал сигнал флагмана поднятием черного шара до середины мачты. Это означало - продолжать движение на средней скорости. Сигнальщик доложил командиру и поднял шар на мачте, сигнализируя сзади идущему кораблю. Кроме шара на одном из фалов был привязан конус, который поднимался при движении задним ходом. Вскоре поступила команда флагмана: «Сторожевым кораблям занять места по флангам эскадры в боевом охранении».

К Камчатским берегам эскадра подходила на рассвете. Первым ее встретил маяк на мысе Поворотном. Он радостно подмигивал своим единственным глазом, посылая световые сигналы строго через определенное количество секунд. За ним в предрассветной мгле слабо просматривались очертания сопок. За кормой широкой полосой раскинулась заря. Она не скупилась на краски, меняя их цвет и тона. Наконец, горизонт на восходе вспыхнул ярким заревом, и из-за него показался раскаленный диск солнца. Его лучи рассеяли мглу над берегом, и он предстал во всей своей красе. Заснеженные вершины сопок и конусы вулканов сияли белизной в лучах восходящего солнца. Алексей стоял, зачарованный суровой северной красотой. Он думал, что где-то у подножия этих вулканов находится долина гейзеров, которые извергаются десятками горячих фонтанов из недр земли.

В Авачинскую губу эскадра входила в полдень. Было время отлива. Кекуры «Три брата» поднялись над водой на два метра выше своей обычной высоты и приветствовали эскадру в полный рост. Офицеры, свободные от вахты, собрались в ходовой рубке и рассматривали давно знакомые берега. Во время швартовки на мостике не положено находиться посторонним, чтобы не мешать командиру и вахтенному офицеру управлять кораблем. Они радовались счастливому возвращению в родные пенаты, предвкушали скорую встречу со

своими семьями. Только человек, проведший длительное время в море, испытывает необыкновенные радостные чувства при подходе к берегу. Не зря гласит поговорка: «Море хорошо с берега, а берег хорош с моря».

Эскадра вошла в бухту, разрезая поверхность воды корпусами кораблей, которые заняли свои места по диспозиции. Началась поочередная швартовка к причалу. Каждый корабль подходил к причалу кормой. На «Лосе» за четверть кабельтова до причала командир подал команду:

- Отдать якорь!

Тяжелый якорь выскочил из клюза, поднял фонтан брызг, ударившись о поверхность воды, и устремился ко дну, увлекая за собой с грохотом якорную цепь. Корабль по инерции двигался к причалу. Когда до причала оставалось метров двадцать, командир на несколько секунд перевел рукоятки машинного телеграфа на малый ход вперед, и корабль, как послушный конь, замер на месте. На причал были поданы швартовые тросы, и корма подтянута к пирсу.

Бытует мнение, что корабль, стоя в бухте на якоре, удерживается за счет веса якоря и сцепления его двух лап с грунтом. В действительности вес якорной цепи, спущенной в море, намного тяжелее веса якоря. Корабль удерживается на месте, главным образом, за счет веса якорной цепи и ее сцепления с грунтом.

На следующий день по прибытию в Петропавловск-Камчатский Алексей зашел в каюту к командиру и передал ему рапорт с просьбой откомандировать его на прежнее место службы.

Капитан третьего ранга Куприянов, прочитав рапорт, сказал:

- Я не буду тебя задерживать, твой рапорт передам в отдел кадров офицерского состава.

Утомительно тянулись дни ожидания приказа. Через две недели за обедом в кают-компании командир, обращаясь к Алексею по званию, сказал:

- Тебе отказано в переводе со сторожевого корабля.

Среди присутствующих офицеров возникло возмущение. Касинский эмоционально произнес:

- Он же артиллерист! Почему нам не прислали минера?

- Отделу кадров, наверное, виднее, кого назначать, - с иронией ответил командир.

В разговор вмешался механик Задорин. Обращаясь к Алексею, он рассудительно сказал:

- Недавно я читал в журнале «Советский моряк», что был приказ Главкома ВМС о запрете использовать офицеров не по специальности. Сходи сам в отдел кадров и выясни, в чем дело.

На следующий день Алексей тщательно побрился, погладил брюки, начистил до зеркального блеска ботинки и отправился в отдел кадров. Его путь лежал по дороге, круто с разворотом идущей от причала к главной улице города. По улице Ленина вдоль бухты дошел до Дома офицеров и свернул влево по улице, поднимающейся в сопку. Он вспомнил дорожное происшествие на этой дороге, которое ему довелось наблюдать прошлой осенью.

На дорогах был гололед. По этой улице на трехколесном мотоцикле спускался сотрудник милиции. По главной улице ехала грузовая автомашина.

Милиционер тормозил, но мотоцикл, как санки, не снижая скорости летел под машину. Водитель грузовой машины жал на тормоза, но наезда на мотоцикл не удалось избежать. Толпа людей, стоящих на автобусной остановке, бросилась к месту аварии. Милиционер остался живым, но мотоцикл был сильно изуродован.

С этими воспоминаниями Алексей подошел к одноэтажному каменному дому, в котором размещался отдел кадров офицерского состава Камчатской флотилии. В приемной сидела симпатичная девушка с большими круглыми глазами, которые с вопросом и удивлением нацелились на Алексея. Поздоровавшись, он спросил:

- Могу я видеть начальника отдела кадров?
- Капитан первого ранга отсутствует, а Вы по какому вопросу?
- По личному.
- Сегодня неприемный день, вам следует записаться на прием и прийти на следующей неделе.
- В таком случае запишите меня на прием.
- Фамилия, должность, воинская часть, - произнесла монотонно заученные слова девушка, доставая толстый журнал.

На корабле первым встретил Алексея Касинский словами:

- Ну, как?
- Записался на прием.
- Даже так? - удивился Касинский, - неужели нельзя было уделить пять минут сегодня?
- Начальника отдела кадров не было на месте.

Дни ожидания разъедали душу Алексея. Он побывал на своем охотнике. Офицеры и матросы задавали один и тот же вопрос: «Когда вернетесь на корабль?» Он чувствовал себя блудным сыном, вернувшимся ненадолго в свою семью. Это прибавило ему силы и решительности добиваться возвращения на свой корабль.

В назначенный день и срок Алексей был в ОКОСе. За столом в кресле сидел капитан первого ранга Кашпур. Он был полный, как надутый пузырь. Круглое, полное, бесформенное лицо своим цветом напоминало помидор.

Стоя по стойке «смирно» Алексей произнес уставную фразу:

- Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться по личному вопросу?
- Обращайтесь, - небрежно произнес Кашпур.

Алексей кратко изложил суть своей просьбы.

Выслушав лейтенанта с недовольной миной на лице, капитан первого ранга произнес:

- Командир вашего корабля передал мне Ваш рапорт. Я ему сказал, что как только в дивизионе сторожевых кораблей освободится должность комендора, Вы будете переведены в артиллеристы. Это повторяю и Вам. Можете быть свободным.

Алексей не ожидал такой короткой аудиенции, в нем закипела злоба на этого черствого человека. Ответив «есть», он вышел из кабинета. На душе остались горечь и досада. Он долго бродил по городу, чтобы успокоиться и обдумать

свои дальнейшие действия. Ничего не придумав, вернулся к обеду на корабль. За столом в кают-компании рассказал о своем посещении отдела кадров.

- Служить тебе у нас, как медному котелку, - произнес Касинский.

- Это почему? - спросил кто-то из офицеров.

- На всех сторожевых кораблях командиры БЧ-2 - молодые офицеры, им рано переводиться служить на другой флот, - пояснил Касинский. Затем добавил:

- Разве если кто-нибудь отдаст Богу душу.

- Типун тебе на язык, - произнес Задорин, - дело здесь в другом.

- В чем? - спросил Касинский.

- Кашпур боится испортить свою репутацию.

- Причем репутация Кашпура? - допытывался Касинский.

- Как причем? - начал развивать свою мысль Задорин.

- Недавно он подал на подпись командующему Камчатской флотилии приказ о переводе Каткова с охотника на сторожевой корабль, обосновывая перевод не только выходом в море, но и как повышение по службе. Подписывая приказ, адмирал наверняка запомнил этот случай. Не прошло месяца, Кашпуру надо подавать приказ на подпись о переводе офицера на прежнее место. У командующего появятся неприятные вопросы к начальнику отдела кадров. Поэтому он будет оттягивать разговор, насколько только возможно.

- Неужели нет выхода? - уныло спросил Алексей.

- Выход один – идти на прием к командующему флотилией. . .

Адмирал принимал офицеров по личным вопросам один раз в месяц. Записавшись заблаговременно на прием, Алексей медленно поднимался по улице вверх по сопке к зданию штаба флотилии. Сердце учащенно билось не столько от крутого подъема, сколько от волнения. Около штаба остановился, чтобы перевести дух. Сверху была прекрасно видна панорама раскинувшегося на склоне сопки города и бухты с боевыми кораблями у причала и рыболовными траулерами на рейде. Немного успокоившись, открыл дверь и вошел в просторное помещение. Его встретил дежурный офицер и попросил предъявить удостоверение личности. Затем взял со стола лист бумаги, в котором, видимо, был список лиц, приглашенных в штаб. Найдя в списке фамилию Алексея, произнес:

- Прошу пройти со мной.

Он провел Алексея по коридору и, открыв дверь в приемную, пропустил его вперед. Дежурившему офицеру в приемной сказал:

- На личный прием к адмиралу, - и удалился на свой пост.

- Подождите здесь, - сказал офицер, - я доложу о Вас.

Он скрылся за дверью кабинета, в котором должна была решиться участь Алексея. Вернувшись, дежурный оставил дверь приоткрытой и сообщил:

- Адмирал вас ждет.

С трудом оторвав от пола отяжелевшие ноги, Алексей вошел в кабинет. По скользкому паркету было трудно идти. Ему было привычнее ходить по качающейся палубе. Его взгляд встретился со взглядом довольно молодого адмирала. Дойдя до середины кабинета, бойко произнес:

- Товарищ адмирал, разрешите обратиться.

В это время он заметил сидящего за приставным столиком около стола адмирала капитана первого ранга Кашпура. Его голос дрогнул. Он шел жаловаться на начальника отдела кадров и не ожидал его встретить здесь. Заготовленная речь за долгие дни ожидания встречи моментально вылетела из головы. Адмирал заметил замешательство посетителя и спокойно произнес:

- Слушаю Вас, лейтенант.

Голос командующего подействовал на Алексея успокаивающе, но он не мог вспомнить первые слова заготовленной речи. Стоять и молчать было глупо, и он начал сбивчиво говорить:

- В связи с выходом эскадры в море, меня временно перевели служить с большого охотника на сторожевой корабль командиром минно-торпедной боевой части. Я по специальности артиллерист и слабо владею стрельбой из торпедных аппаратов. Прошу перевести меня на прежнее место службы в бригаду охраны водного района с использованием по специальности.

За время этой речи капитан первого ранга Кашпур всего один раз взглянул на Алексея. Его взгляд не обещал ничего доброго.

- Вы обращались в отдел кадров? - спросил адмирал.

- Так точно, обращался.

- К кому обращались?

- К капитану первого ранга.

Начальник отдела кадров сидел за столом, не поднимая головы. В руках он крутил карандаш. Алексей замер в ожидании решения, в голове стоял шум. Как сквозь сон он услышал слова адмирала:

- Я рассмотрю Ваш рапорт, можете идти.

Повернувшись по уставу через левое плечо, лейтенант вышел из кабинета. Оказавшись на улице, вспомнил заготовленную речь. «Каким нелепым и скоротечным получился прием у адмирала», - думал Алексей. С испорченным настроением бесцельно брел по улице, пока не оказался против почтового отделения. Здесь он, как многие офицеры, получал письма до востребования.

За стойкой сидела симпатичная девушка. Она знала всех постоянных посетителей почты и с радостной улыбкой, как будто сама получила письмо, сообщила:

- Вам письмо, танцуйте, - и положила на стойку конверт.

В другое время Алексей обязательно бы заговорил с ней, улыбнулся и сказал комплимент. Сегодня он был не в духе, взял письмо, грустным голосом сказал «Спасибо» и вышел из здания. Письмо было от матери из Алма-Аты. Он хотел его тут же распечатать, но передумал. Дошел до памятника командору Берингу, сел на лавочку, открыл письмо и начал читать. Его мама умела писать длинные и интересные письма. Она благодарила сына за посылку с икрой и копченой красной рыбой, сообщала, что регулярно получает деньги по высланному им аттестату, что его сестра Нина сдала сессию в университете на пятерки и получила повышенную стипендию. Алексей обрадовался, узнав, что его бабушка Надежда Яковлевна оправилась от болезни, чувствует себя хорошо, управляется по дому и готовит обеды, пока дочка и внучка заняты на работе и в институте. Алексей очень любил свою бабушку, с которой прошло

все его детство. После прочтения письма его настроение улучшилось, и он побрел на корабль.

Вечером в кают-компании на Алексея посыпались вопросы, как горох в кастрюлю. Не каждому за время всей службы на флоте удается беседовать с адмиралом. Сослуживцев интересовали подробности и любые мелочи. К сожалению, за пару минут приема Алексей не успел рассмотреть даже обстановку в кабинете командующего флотилией. Все его внимание было сосредоточено на командующем флотилией. После его рассказа, как проходил прием, мнения присутствующих разделились. Одни считали, что его оставят служить на сторожевом корабле, чтобы было неповадно жаловаться на начальника отдела кадров. Другие, в том числе и Задорин, считали, что Кашпур получит фитиль, а Алексея переведут служить по специальности. На флоте взыскание называлось «фитилем».

Жизнь на корабле шла своим чередом по установленному порядку: подъем, зарядка, завтрак, приборка, учения, занятия и так далее. Корабль стоял у стенки и в море не выходил. В темпе корабельной жизни Алексей днем стал забывать личные проблемы, но по вечерам его одолевали и удручали тяжелые мысли. Перед сном часто вспоминал до мелочей все детали посещения штаба флотилии, особенно выражение лица капитана первого ранга Кашпура. Всегда общительный, нередко отпускавший остроты, он стал задумчивым и неразговорчивым. Многие заметили, что в нем произошли перемены.

И вот однажды вестовой передал Алексею приказание прибыть к командиру корабля.

Капитан третьего ранга Куприянов встретил Алексея словами:

- Поздравляю, Вы добились своего, получен приказ о переводе вас в бригаду охраны водного района.

- Спасибо, товарищ командир, когда могу покинуть корабль?

- В любое удобное Вам время.

В порыве охвативших его чувств Алексей разыскал Касинского и Задорина, чтобы поделиться с ними радостной для него вестью. Он хотел немедленно покинуть корабль, но они охладили его пыл.

- Так не поступают, - сказал Задорин, - за ужином мы устроим тебе проводы, а утром после подъема флага можешь покинуть корабль.

Алексей согласился с этими доводами, хотя мыслями уже был на своем любимом охотнике в бухте «Раковой» полуострова Завойко. В последнюю ночь на сторожевом корабле он долго не мог уснуть. Его охватила буря чувств и мыслей, воспоминания событий, участником которых он был на большем охотнике.

12

Весна с каждым днем все увереннее и увереннее брала в свои руки бразды правления природой. Она стремилась разрушить все то, что было сделано ее соперницей - зимой. Северная весна торопилась расчистить дорогу короткому камчатскому лету. На южных склонах сопок и косогорах убрала снег, помогла

ветру разрушить тонкий лед на мелководье в бухте, и он теперь рваными осколками плавал по заливу. Прилетели первые перелетные утки - морянки. Они плавали среди дрейфующих льдин в весенних красочных нарядах, иногда подплывая очень близко к кораблям, стоящим у плавучего причала. Это утки средних размеров с длинными хвостами. Ранней весной у птиц обоего пола голова и шея белые, а у самки - белые и бока тела. При виде уток в Алексее разгорелись охотничьи страсти. Он из очередного отпуска привез свое старенькое курковое ружье «Тулку» шестнадцатого калибра, но ему ни разу не удалось выбраться с ним на охоту. Он даже вступил в общество военных охотников.

Алексей с бьющимся сердцем подходил к причалу, у которого стояли охотники за подводными лодками. Еще издали он увидел на причале группу офицеров, среди которых выделялся колоритной фигурой капитан третьего ранга Горшколепов. В дивизионе сложилась особая дружественная и уважительная атмосфера. Во время утренней приборки командир дивизиона ежедневно выходил на причал, чтобы дать возможность в своей каюте сделать приборку, к нему подходили командиры кораблей и дивизионные специалисты, чтобы поздороваться, узнать новости и ближайшие планы. Часто возникали дискуссии по поводу статей в газетах о международной обстановке.

Как только Алексей зашел на причал, он заметил и почувствовал, что взоры и внимание всех стоящих на причале были обращены на него. Когда он подошел ближе, офицеры, окружавшие комдива, расступились, давая возможность Алексею отдать рапорт.

- Товарищ капитан третьего ранга, - произнес Алексей твердым голосом, - лейтенант Катков прибыл для прохождения дальнейшей службы.

Горшколепов первым протянул ему руку для рукопожатия и с улыбкой на лице произнес:

- Поздравляю блудного сына с возвращением, наслышан о твоей настойчивости.

Все, стоящие на причале офицеры, стали протягивать ему руки и здороваться. Он как младший по званию согласно субординации не имел права протягивать первым руку. Михаил Рузин, поздоровавшись с ним, сказал:

- Иди на корабль, твой старшина Щербань заждался тебя, чуть не каждый день спрашивает: «Когда вернется лейтенант?»

Алексей понял, что прервал происходящий между командирами разговор и, не задерживаясь, отправился на корабль.

Старшину первой статьи Щербаня Алексей увидел на баке около матросов, драивших палубу швабрами, и направился к нему.

Светлым радостным взглядом встретил Николай лейтенанта. В его улыбке Алексей увидел то состояние духа, которое выражает неподдельную радость. Алексей протянул руку, и они поздоровались крепким рукопожатием.

- Я Вас ждал, - сказал Николай, - я знал, что Вы вернетесь. Мне скоро предстоит демобилизация, и я не хотел уехать, не простившись с Вами.

Их стали окружать матросы, каждый, подходя к Алексею, произносил: «Здравия желаю, товарищ лейтенант». Он отвечал на приветствия и испытывал

такие же чувства, как когда приезжал в отпуск и встречался с бабушкой, мамой и сестрой. Со всех сторон посыпались вопросы, на которые лейтенант произнес:

- Все расскажу на политзанятиях, а сейчас продолжайте приборку, а то я получу «фитиль» от командира за ее срыв.

Он пошел в свою каюту. Все детали корабля были знакомы и казались родными. В тамбуре панели металлических перегородок были выкрашены под дуб. Алексею был знаком каждый сучок на панелях. Это работа механика Севы, который из резиновой подошвы своего старого ботинка сделал пластинку с вырезами разной ширины на одной из граней и, после покраски панелей охрой, сделал по невысохшей краске разводы под срез дуба.

В каюте Алексей уселся на мягкое сиденье и с облегчением вздохнул. Маленькая каюта была намного уютнее просторной каюты на сторожевом корабле. Он закрыл глаза, и ему показалось, что события последних дней были дурным сном.

13

Холодная война между США и СССР сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений. Шел 1958 год. В предыдущем году в СССР испытали континентальную баллистическую ракету, способную долететь до Соединенных Штатов Америки. Американцы продолжали вести разведку у Камчатских берегов Советского Союза. Обе страны стремились освоить бескрайние просторы Северного Ледовитого океана, чтобы затаившиеся подводные лодки с баллистическими ракетами могли всплыть в неожиданном месте и нанести удар по противнику. Эта задача оказалась сложнее, чем просто подледный поход. Впервые всплытие среди льдов Северного Ледовитого океана совершила только в 1961 году советская подводная лодка К-33. Субмарина проломила лед своим прочным корпусом. Было доказано, что Советский Союз способен нанести внезапный ракетный удар по противнику. Политики стали осознавать, что ядерная война нанесет непоправимый урон обеим странам.

С 1958 года, предпринимались попытки начать сокращение вооружений, но они оказывались неудачными, никто не видел выхода из «холодной войны». В это время корабли Камчатской бригады охраны водного района вели постоянное дежурство на подступах к полуострову. Каждому кораблю были даны координаты двух точек в океане, между которыми они курсировали как челноки в поисках подводных лодок противника. Это была однообразная и нудная работа. Периодически проводились учения и тренировки. Акустики несли непрерывную вахту. По курсу корабля на воде часто плавали табуны разных пород уток. Они долго бежали по воде перед носом корабля, пытаясь улететь, но тяжелый вес не позволял им оторваться от воды. Только перед самым носом корабля они ныряли или сворачивали в сторону.

Алексея давно терзало желание поохотиться. Взлетающие перед носом корабля утки разжигали в нем инстинкт первобытного человека. Он долго не

решался, но, наконец, видя, как внимательно Рузин наблюдает за полетом уток, обратился к нему:

- Товарищ командир, давайте поохотимся на уток.

- Заряжай пушку, - пошутил тот.

- Зачем пушку, у меня в каюте ружье.

- Как ты это себе представляешь?

- Я встану на носу корабля и буду стрелять. Когда утка окажется около борта, ее поймают сачком.

- Корабль придется останавливать около каждой утки? - удивился Рузин.

- Не надо останавливать корабль, утку подберут на ходу.

Командир задумался. Он был молодым, в нем еще не пропал мальчишечий задор. После небольшой паузы произнес:

- Неси ружье.

Алексей по трансляции вызвал на мостик старшину Щербаня. Когда тот взбежал на мостик, показал ему на табун уток и сказал:

- Хочешь принять участие в охоте?

Какой любитель охоты откажется от такого предложения? Глаза у Николая загорелись счастливым светом, и он радостно ответил:

- Конечно, хочу! Что надо делать?

- Иди к боцману, сделайте два сачка на водомерных шестах. Будете ими ловить битых уток, проплывающих вдоль борта.

- Как они окажутся убитыми? - удивился Николай.

- Я буду стрелять их с носа корабля, - ответил Алексей.

Других пояснений Николаю не потребовалось. Он быстрым движением повернулся к трапу, положил руки на медные поручни, оттолкнулся ногами и скатился на руках вниз на палубу.

Когда сачки были готовы, Алексей принес ружье и встал в носу корабля около флагштока. Задуманная им охота оказалась простой и удачной. За короткое время было добыто более двух десятков уток.

Кок с добровольными помощниками снял с уток шкуру, а вместе с ней и толстый слой жира, который отдает запахом рыбы. После вымачивания дичи в уксусе было приготовлено прекрасное второе блюдо. С тех пор утятина часто была к обеду на столе команды.

После удачной охоты Алексей пригласил к себе в каюту старшину Щербаня, предложил присесть к столу напротив себя и по-дружески обратился к нему:

- Николай, оставайся на корабле на сверхсрочную службу. Тебя ценят офицеры и уважают матросы. Оклады у сверхсрочников высокие, будет присвоено звание главного старшины, а через год мичмана.

- Не могу, товарищ лейтенант. У меня в деревне живет одинокая мать. Отец погиб во время войны. Она меня заждалась, ей требуется моя помощь.

- Вот и будешь ей помогать, высылая деньги. На гражданке ты вряд ли заработаешь больше чем здесь.

- Дело не в деньгах, в селе нужна мужская сила. Кроме того, меня ждет невеста. Мама ждет не дождется, когда я вернусь и женюсь.

- Твои доводы убедительны, мне будет очень жаль расставаться с тобой.

- Это рано или поздно должно произойти, - резонно произнес Николай.

14

Каждые два года корабль вставал в плавучий док для очистки днища от водорослей и ракушек, которые снижают скорость корабля и способствуют коррозии металла. Вся команда, вооружившись скребками и металлическими щетками, чистила подводную часть корабля. Боцман строго следил, чтобы днище было очищено до металлического блеска. Помощник командира корабля Николай Перминов периодически обходил по периметру корабль и торопил боцмана с проведением работ. На Камчатке док в бухте Тарья был единственным и принадлежал дивизии подводных лодок. По графику он был выделен для охотника на несколько дней. За эти считанные дни надо было успеть очистить корпус и покрасить его ядовитой краской, которая плохо предохраняла от любителей прокатиться за чужой счет.

Командир корабля Рузин и механик Горбунов уехали к семьям, оставив проведение работ на попечение помощника командира Николая Семеновича. Последнее время он жил на корабле безвыездно. Его жена не выдержала тягот жизни жены морского офицера и уехала в Ленинград к родителям. Перминов старался не показывать своих переживаний. Первое время он не мог спать и даже сидеть на месте. Старался загрузить себя работой. Без особой надобности ходил по всем помещениям корабля, заглядывал в самые потаенные уголки. Стоило ему присесть, в его душе поднималась буря воспоминаний. Ему представлялась жена то в годы ухаживания за ней, то в первый год женитьбы, всегда с широко открытыми глазами, страстным взглядом. Вспоминал медовый месяц, проведенный в Ленинграде. Она любила его. У него не было на нее обиды. Он постоянно задавал себе вопросы:

- Что же случилось? В чем я виноват?

Ответ на эти вопросы находил в том, что вырвал ее из привычной для нее среды и увез на край света. . .

Алексей тяготился бездельем во время докования, несколько раз брал в руки скребок и начинал чистить борт корабля. Матросы в его адрес отпускали незлобные шутки, которые ему даже нравились:

- Ребята, перекур, лейтенант за нас всю работу сделает, - произнес один матрос.

- Не скаль зубы, - ответил ему другой, - поучись лучше как надо драить борт, боцман устроит тебе перекур наряда на три.

- Лейтенант с нами в бою и в труде, - вторил ему третий.

Вечером в ярких лучах прожектора, освещающего широкий трап, переброшенный из дока на причал, Алексей увидел толпу матросов и подошел к ним. Он был поражен увиденным зрелищем. В воде около трапа на небольшом участке, освещенном прожектором, кишела корюшка. Ее было так много, что создавалось впечатление, что в котле кипит вермишель.

- Где наши рыбаки? - подумал Алексей, - и произнес: «Сходите кто-нибудь за Щербанем».

Вскоре на трапе появились рыбаки с удочками. Корюшка водила в воде хороводы и не хотела клевать ни на какую наживу. Кто-то привязал к леске блесну и после первого заброса вытащил корюшку, от которой исходил приятный огуречный запах. Крючок ей впился в бок. Счастливый обладатель блесны вытаскивал одну рыбку за другой. Николай Щербань побежал к старшине мотористов, чтобы тот помог ему напаять блесен. Когда блесны были готовы, рыбалка стала походить на перекладывание рыбы из воды в бачок. Каждый рыбак забрасывал блесну метра на два от трапа, она уходила в воду между густо плавающей рыбой. Когда леска оказывалась на боку какой-нибудь рыбы, делалась подсечка, и на крючке оказывалась поддетая за живот или бок корюшка. Алексею надоело наблюдать за такой рыбалкой, и он ушел в каюту.

Около дока была пришвартована подводная лодка, ожидающая ремонта. С высоты трехэтажного дома Алексей увидел на лодке знакомую слегка сутулую фигуру. Он окликнул офицера:

- Эй, на барже, лом не проплывал?

Офицер не мог подумать, что обращение относится к нему, но услышав знакомый голос, поднял голову.

К Алексею повернулся его однокашник по училищу Юра Пискарев. С ним Алексей учился в одной группе первые два года. Затем их пути разошлись по факультетам. Юра мечтал стать подводником и пошел учиться на миноторпедный факультет.

Увидя однокашника на верху дока, Юра улыбнулся и произнес:

- Не думал, что ты служишь на посудине под названием лом.

Затем замахал руками, приглашая его спуститься к нему на лодку.

Однокашники пожали руки, обнялись и похлопали друг друга по спине.

Стоять на покатом корпусе лодки было непривычно, и Алексей спросил:

- Как вы ходите по такому корпусу в море?

Не отвечая на вопрос, Юра предложил:

- Пойдем в лодку, отметим встречу и поговорим.

Они поднялись на рубку и через открытый люк спустились по вертикальному трапу в центральный отсек лодки. Здесь размещался главный пост управления лодкой, в центре которого находился перископ.

Алексей впервые был в подводной лодке и попросил провести его по отсекам подводного корабля.

- В носовую или в кормовую часть пойдем? - спросил Юра.

- Сначала в носовую, а затем в кормовую, - ответил Алексей, - проводи экскурсию по полной программе.

Юра улыбнулся и, переступив высокий порог двери в соседний аккумуляторный отсек, пригласил Алексея следовать за собой. Следующим был носовой торпедный отсек. В глаза бросились четыре крышки торпедных аппаратов и два места для запасных торпед.

- Это и вся длина лодки? - удивился Алексей.

- Нет, только половина, - опять с улыбкой ответил подводник, - общая длина пятьдесят семь метров.

- Ничего себе, она длиннее охотника на четыре метра, - произнес Алексей, - а где торпеды?

- На время ремонта торпеды отправили на склад.

Вернувшись в центральный пост, они из него прошли в отсек дизельных двигателей, в котором Алексей увидел офицера и нескольких матросов у разобранного двигателя. Поздоровавшись с подводниками, они прошли через помещение электродвигателей и только затем попали в кормовую часть лодки. Здесь размещалось два торпедных аппарата.

- Тесновато живете, - сказал Алексей на обратном пути в центральный отсек.

- В тесноте, да не в обиде, - ответил ему Юра.

Юра рассказал, что эта лодка одна из последних лодок класса «Щука» серии Х-бис, спущенная на воду во время войны во Владивостоке «Дальзаводом». Приятели долго вспоминали курсантские годы, своих однокашников, пока вестовой не пригласил их к обеду.

- Я пойду к себе, - сказал Алексей.

- Ни в коем случае, без обеда я тебя не отпущу.

Вестовой установил разборный столик и накрыл его на три персоны. Подошел механик, и они сели к столу.

- Почему нет вина? - спросил Юра у вестового.

- В базе не положено, только в море, - ответил тот.

- Ты что, не видишь, что у нас гость? - обрушился на него лейтенант.

- Быстро принеси вина! - поддержал Юру механик.

Вестовой неохотно вышел из отсека и вернулся с тремя стопками кагора.

- Почему не принес бутылку? - упрекнул его механик.

- Не положено, - пробубнил вестовой.

- Хорошо живете, - произнес Алексей, - вам вино подают.

- На подводных лодках в походах положено, - ответил механик.

- Приходи к нам на обед каждый день, - предложил Юра, -кстати, сколько дней вы пробудете в доке?

- В доке стоять нам отвели неделю, надо успеть управиться. А что касается обедов, то ваш вестовой следующий раз кагора может не принести.

- Он хороший малый, только сильно прижимистый и строго соблюдает установленный порядок и дисциплину, - сказал механик.

- Ты когда-нибудь был в Паратунке? - обратился неожиданно к Алексею Юра, переводя разговор на другую тему.

Паратунка - это небольшой поселок на берегу реки Паратунки. Сейчас там построен санаторный комплекс.

- Нет, не был, - ответил Алексей.

- Советую сходить, тут напрямую всего километров пятнадцать. От рыбацкого поселка ведет прямая дорога.

- Надо подумать.

- Нечего думать, утром пойдешь, накупаешься в термальных водах, к вечеру будешь на корабле.

Вернувшись на корабль, Алексей постоянно думал о Паратунке. Он много слышал о гейзерах и реке, несущей горячие воды, в которых можно сварить

куриные яйца. Чем больше он думал, тем сильнее в нем разгоралось желание посетить эти места. Обращаться к Пименову с просьбой отпустить его с корабля он считал неудобным. Это означало оставить его одного на корабле в период авральных работ. На следующий день, сидя вдвоем за обедом, Алексей, между прочим, сказал:

- Вчера узнал, что от бухты Тарья всего километров пятнадцать до Паратунки.
- Ну и что из этого? - спросил Перминов.
- Хотелось бы побывать, посмотреть на чудо природы.
- В чем дело? Собирайся и прямо сейчас отправляйся до завтрашнего дня.

Военному человеку собраться быстрее, чем нищему подпоясаться. Одежда на нем, деньги и документы всегда в кармане. Алексей не медля отправился к причалу морского трамвайчика, чтобы добраться до поселка рыбаков. Он оценил силу дружественных взаимоотношений офицеров, сложившихся на корабле. Перминов мог бы промолчать или найти причину, чтобы не отпускать его с корабля, но он с легким сердцем пошел навстречу желанию Алексея.

В поселке рыбаков Алексей у первого встречного мужчины спросил, как пройти до Паратунки.

- Идите дальше по улице, - сказал мужчина, - на первом переулке сверните налево и увидите дорогу, уходящую в лес. По этой дороге доберетесь до Паратунки, если не свернете на какой-нибудь развилке. Держитесь постоянно строго на юг.

Проселочная дорога, по которой вряд ли когда-нибудь ездили автомашины, завела Алексея вглубь густого леса. Кроны берез - великанов смыкались над его головой, через листву которых с трудом можно было увидеть солнце. Он вдыхал полной грудью воздух, насыщенный ароматом леса и трав. После воздуха с запахом моря и морских водорослей этот воздух казался опьяняюще сладким. Алексей много лет не был в лесу. Ему вспомнился Кудряшовский бор недалеко от Новосибирска, через который он ходил очень часто на рыбалку на озеро Кривое. Это было в школьные годы. Как это было давно!

Неожиданно дорога привела его к броду через ручей шириной метров пять и глубиной чуть выше щиколотки. Первоначально он подумал, что вода переливается через множество камней, лежащих на дне ручья. Затем ему показалось, что камни двигаются по воде, но, присмотревшись, увидел множество крупных лососей, стремящихся вверх по течению. Их горбатые спины отливали блеском над поверхностью воды. Алексей стоял зачарованный необыкновенным зрелищем. Он впервые видел массовый ход рыбы на икромет. По горбатым спинам отдельных особей он понял, что эта рыба - самцы. У самок горбов не было.

Налюбовавшись зрелищем, разулся, засучил брюки и вошел в воду. Чтобы не наступить на рыбу и не поскользнуться, брел, не поднимая ног высоко от дна. Рыба постоянно задевала его ноги. При желании можно было руками поймать любую рыбину. На противоположном берегу обулся и еще долго смотрел на ручей, по которому с упрямой настойчивостью стремилась горбуша, чтобы где-то в верховье отметать икру и закончить свою жизнь, выполнив предначертанную ей природой судьбу.

Дорога привела Алексея в небольшой поселок, вытянувшийся одной улицей вдоль реки. Его охватило неприятное предчувствие. Протекающая перед ним река была явно не Паратунка. Он подошел к первому дому и, увидев во дворе женщину, спросил:

- Скажите, пожалуйста, до Паратунки далеко?
- Далековато, - услышал ответ.
- До темноты успею дойти?
- Вряд ли, а ты, добрый человек, откелева идешь?
- Из Тарьи.
- Дык ты свернул в сторону.
- Я выбирал самую натоптанную дорогу.
-Дык это наши мужики натоптали, они за водкой в Тарью постоянно шныряют.

Алексей понял, что сбился с дороги, и решил заночевать в этой деревне.

- Скажите, пожалуйста, я могу у кого-нибудь переночевать?
- Дык у меня можно, но в доме много ребятишек. Зайди к тете Маше, она не откажет.
- Где мне найти дом тети Маши?
- Дык она живет через дом от меня.

Алексей поблагодарил приветливую женщину и пошел к дому тети Маши. На стук вышла нестарая женщина, подпоясанная передником и с косынкой на голове. В ее глазах появился испуг. Она, видимо, человека в синем кителе с погонами приняла за милиционера.

- Здравствуйте, тетя Маша, - произнес Алексей.

Испуг в глазах женщины усилился. Ее имя мог знать только участковый милиционер. «Неужели кто-то донес, что я добываю красную икру» - думала женщина.

В таких речках, которую переходил Алексей, местные жители ловят только самок, берут икру, а рыбу выбрасывают. Немного заикаясь, она спросила:

- Ты откель знаешь мое имя?
- От вашей соседки, она сказала, что у вас можно остановиться на постой. Я заблудился, утром уйду в Паратунку.

Лицо женщины стало меняться. Вместо испуга появилась слабое подобие улыбки. Алексей продолжал:

- Вы не беспокойтесь, мне больших удобств не надо, я заплачу.
- На кой лях мне твоя оплата, проходь в избу.

В доме ему ударил в нос запах варившейся картошки. Мгновенно вспомнились послевоенные годы, когда бабушка ему, брату и сестре делила по счету сваренную в мундирах картошку. За два года службы на корабле ему ни разу не довелось есть свежую картошку. Пюре из сушеной размоченной картошки было порядочной пакостью, которую иногда готовил кок. Осмотревшись, Алексей увидел две комнаты, разделенные русской печью. В каждой стояло по кровати. В простенке между окнами над столом висела рамка с пожелтевшими от времени фотографиями нескольких поколений родственников хозяйки. Чтобы окончательно успокоить тетю Машу, Алексей

рассказал о себе. Затем стал расспрашивать о фотографиях. Она с охотой рассказывала ему. В фотографиях была вся история ее жизни. Бравый военный с погонами сержанта на плечах был ее мужем. Он погиб в последний год войны. Молодой курсант в форме морского училища был ее сыном. Он окончил морское училище в Петропавловске-Камчатском и занимался промыслом рыбы на рыболовном сейнере. Дочь вышла замуж и жила в Петропавловске-Камчатском.

- Сидайте за стол, будем вечерять, - сказала тетя Маша спокойным голосом как старому знакомому.

Ужин состоял из отварной рассыпчатой картошки, сдобренной жареными опятами с луком. Алексей после корабельной еды и длительного перехода по лесу с наслаждением ел простую вкусную еду. Он не стал отказываться от добавки, которую ему стала подкладывать тетя Маша. Наблюдая с каким удовольствием постоялец налегает на еду, она спросила:

- Мил человек, если тебе нужна красная икра, у рыбаков можно купить ведро за шестьдесят рублей.

Алексей отказался. «Если бы я возвращался на корабль, - подумал он, - можно было бы купить и угостить всю команду». При его окладе около трех тысяч рублей сумма в шестьдесят рублей была мелочью.

Утром, напившись чаю и расспросив дорогу, он продолжил путешествие. Паратунка перед его взором открылась неожиданно. Когда вышел из леса, на некрутом склоне за рекой увидел разбросанные одноэтажные дома поселка. В нескольких метрах от него протекала неширокая река, на которой была устроена бетонная запруда.

Солнце уже поднялось довольно высоко и заливало своими лучами поселок, реку и лес по ее берегам. Стояла тишина. После лесной прохлады Алексею стало жарко и душно. Он расстегнул китель и направился к запруде. В воде плавало несколько человек.

- Раздевайтесь и присоединяйтесь к нам, - произнес мужчина из воды.

Алексей не стал ждать второго приглашения, он для того и проделал длинный путь, чтобы искупаться в целебных водах. Раздевшись, осторожно вошел в воду. Глубина была всего до пояса, вода теплая, в воздухе стоял запах сероводорода, напоминающий протухшие яйца. К нему подплыл разговорчивый мужчина и спросил:

- Как водичка?

- Я думал, что будет горячее.

- Вы пройдите по берегу реки и найдите горячие родники, бурлящие со дна реки, там можно свариться, если рискнете искупаться.

- Спасибо за совет, родники обязательно найду, но купаться не буду.

- Долго купаться не рекомендуется – влияет на сердце, - продолжал мужчина, - Вы когда приехали? Я Вас вижу в первый раз.

- Только что сейчас.

- У кого остановились?

- Ни у кого не останавливался.

- Если вам нужна квартира, у моей хозяйки есть свободное место.

- Спасибо, я сегодня должен уйти.
- Почему уйти, а не уехать? - допытывался привязчивый мужчина.
- Из Тарьи не ходят такси, - пошутил Алексей.
- В такую даль вы пришли пешком? - удивился собеседник.
- Хотелось посмотреть, вот и пришел.
- Сюда надо приезжать отдыхать зимой. Представьте себе такую прелесть: покатался на лыжах, подошел к реке и искупался в теплой воде.
- Представляю, при случае обязательно воспользуюсь вашим советом.
- Могу дать еще один совет. В два часа в город уходит грузотакси. Вы можете доехать до Петропавловска-Камчатского, а там пересесть на морской трамвай и добраться до Тарьи.
- Спасибо, я, наверное, так и поступлю.

Несколько часов до отправления автомашины в город Алексей бродил вдоль реки. Ее берега заросли деревьями, кроны которых в некоторых местах смыкались над рекой. К плесам он подходил осторожно. По привычке заядлого рыбака пытался увидеть в прозрачной воде среди камней рыбу, хотя знал, что в горячей воде рыбы не может быть. На перекатах вода шепотом таинственно делилась информацией, которую она несет в себе из «Долины гейзеров», но Алексей не мог понять ее слов. Ему хотелось пройти вдоль реки до гейзеров и своими глазами увидеть естественные фонтаны, извергающиеся из недр земли, но он был ограничен во времени. У него созрело решение: «в очередной отпуск задержаться на Камчатке на несколько дней и посетить знаменитую «Долину гейзеров».

Грузотакси оказалось автомашиной ГАЗ, накрытой брезентовым тентом. Пассажиры сидели на сиденьях вдоль бортов и на досках, уложенных на сиденья поперек машины. Путь лежал по каменистой дороге до селения Елизово и дальше по приличной дороге до Петропавловска-Камчатского. Машину постоянно трясло и подбрасывало, пыль забивалась под брезент. Пассажиры держались руками за сиденья, чтобы при очередной колдобине на дороге не удариться головой о дуги тента машины. В кузове было душно и пыльно. Синий китель Алексея покрылся слоем пыли и стал серого цвета. Он пожалел, что не пошел пешком. Перед Елизово машина остановилась около ручья, и все пассажиры вылезли из кузова, чтобы умыться и почиститься.

15

После докования на корабле шла полным ходом покраска. В работе был занят весь экипаж. Красили надстройки, перегородки во внутренних помещениях. Свежевыкрашенные участки корабля сияли глянцевой поверхностью и резко отличались от участков с выцветшей потускневшей краской. Помощник командира корабля Перминов ходил с бака на ют и обратно, наблюдая за работами. Он любил чистоту и порядок. С давних пор на флоте штурманов считают интеллигентами и чистюлями. Учиться на штурмана, как правило, шли курсанты с красивым почерком и любящие работу с бумагами. Механик Горбунов, согнувшись над столиком в каюте, вырезал из толстой бумаги

трафареты цифр и букв для нанесения краской обозначения боевых постов, рубок и люков. К Алексею недавно прибыл на практику курсант последнего курса Камчатского мореходного училища Илья Семин. Училище готовило моряков для рыбного флота, после окончания которого, им присваивалось звание офицера запаса. Во время практики курсанты изучали боевые корабли, их вооружение и сдавали экзамены.

Практикант был местным, его родители жили на окраине Петропавловска-Камчатского. Алексей, рассказывая ему о корабле, сам интересовался жизнью людей на Камчатке. Однажды во время беседы Илья сказал, что он с отцом собирается поехать на рыбалку. В душе Алексея закипела страсть рыбака, ему захотелось принять участие в рыбалке, и он начал задавать вопросы:

- Какую рыбу вы собираетесь ловить?
- Начинается нерест кижуча, надо запастись рыбой.
- Где будете ловить?
- У отца есть любимое место на реке Аваче, там мы рыбачим каждый год.

Река Авача была на противоположном берегу губы. С каждым вопросом желание Алексея увидеть новые места разгоралось сильнее и сильнее.

- На чем вы туда добираетесь? - задал очередной вопрос Алексей.
- На отцовской моторной лодке.

Алексей окончательно принял решение и сказал:

- Возьмете меня с собой на рыбалку?
- Я спрошу у отца.
- Скажи ему, что я не буду вам мешать, возьму с собой ружье и поброжу по окрестностям.
- Это небезопасно.
- Почему?
- В период икромета к рекам выходят медведи, чтобы откормиться на рыбе. Их там несчитанное множество.

Это не испугало Алексея, а скорее обрадовало, и он сказал:

- Я возьму с собой карабин, может, повезет - встретим косолапого.

Во второй половине дня в субботу к борту корабля подошла деревянная плоскодонная лодка с Ильей и его отцом. Алексей удивился: «На такой посудине довольно опасно ходить по Авачинской губе, на которой бывают приличные штормы».

- Товарищ лейтенант, - крикнул из лодки Илья Алексею, который подошел к борту, - спускайтесь в лодку, мы торопимся.
- Я еще не собирался, вы прибыли раньше условленного времени.
- Ничего не надо собирать, у нас есть хлеб и все, что надо для рыбалки, на уху поймаем рыбы.

Алексей отправился разыскивать командира. В каюте его не было. Встретившийся вестовой сказал, что Рузин в штурманской рубке. Когда Алексей вошел в рубку, тот изучал новые карты, которые недавно принес штурман из гидрографического отдела.

- Товарищ командир, - обратился к нему Алексей, - рыбаки прибыли раньше намеченного срока.

- Что ж теперь поделаешь, собирайся и отправляйся, обойдемся без тебя.
- Спасибо, - сказал Алексей и мгновенно вылетел из рубки.

В каюте переоделся в штатскую одежду, взял ружье, приготовленный заранее карабин, и поспешил на палубу. Он понимал, что рыбаки, заехав за ним, потеряли много времени и не хотел их долго задерживать у борта корабля. Подал через борт Илье ружье, карабин и быстро спустился в лодку по веревочному трапу. Не успел Алексей устроиться в носу лодки, как отец Ильи завел мотор, и плоскодонка, сделав резкий рывок, помчалась в сторону Авачинской губы. На Илье и его отце были надеты ватные фуфайки, на ногах болотные сапоги, на головах меховые шапки. Рулевой сосредоточенно смотрел вперед и не пытался вступить в разговоры. Алексею показалось, что он недоволен лишним человеком в своей лодке и взял его только ради своего сына. Возможно, лейтенант ошибался, так как шум мотора и встречный ветер вряд ли позволили бы им разговаривать. Когда лодка вошла в устье реки Авачи, Алексей увидел все прелести первозданной камчатской природы. Такой ее видели командор Беринг и путешественник Крашенинников. «Существует ли для души что-либо прекраснее, чем видеть и наслаждаться красотой природы» - думал он. По левому берегу реки простирались заливные луга с множеством больших и малых озер, над которыми летали табуны всевозможных пород уток. Все пространство было покрыто пожелтевшей осенней травой, местами вдоль берега росли высокие тальники. За лугами виднелась сплошная полоса сопок с вершинами вулканов, сияющими снежным покровом в солнечных лучах. Вулканы придавали пейзажу строгость и величественность. Совсем иным был пейзаж на правом берегу реки. Берег был возвышен, из многих распадков вытекали притоки главной реки Камчатки. Их берега были покрыты лиственными деревьями. Чуть дальше поднимались сопки, заросшие сплошным лесом. Против одного из притоков лодка свернула к левому берегу и с разгона выскочила носом на пологую отмель.

- Приехали, - услышал Алексей первые слова из уст рулевого, - выгружаемся.

Взяв ружье и карабин, Алексей первым сошел на берег, Илья подал ему два тощих рюкзака, в одном из которых бренчали металлические миски, ударяясь о котелок. Рыбак бросил на берег топор и, обращаясь к Алексею, сказал:

- Мы поставим сети, а Вы приготовьте дрова для костра и место для стана.

Он, вероятно, думал: «Посмотрим, на что способен офицер-белоручка».

Алексей понимал, что это для него испытание, только не понимал, почему стан надо устраивать на низком берегу, а не на высоком. Непроизвольно у него вылетели слова:

- Почему нам не поставить стан на высоком берегу?
- Здесь удобнее и безопаснее, - был ответ.

Алексея такой ответ удивил. Он только на следующий день понял его смысл, а пока принялся за оборудование стана. Ему очень пригодился школьный опыт, когда он постоянно ездил с друзьями на рыбалку и охоту. Прежде всего, очистил от сухой травы большой круг на земле. Затем натаскал в кучу длинных сухих веток тальника, вырубил две рогулины и забил их в очищенном круге, чтобы можно было подвесить котелок. После этого принялся за сооружение

шалаша. Ветки тальника легко втыкались в мягкий грунт. Соорудив каркас шалаша, принялся резать сухую траву и накрывать ею свое детище. За этим занятием его застали вернувшиеся рыбаки. Они привезли крупного кижуча, который запутался в сети, когда они еще не успели ее всю поставить.

Отец Ильи окинул место, выбранное для бивака, и остался доволен.

- Теперь давайте познакомимся, - сказал он хриплым прокуренным голосом, - до утра много времени, успеем наговориться. Меня зовут Василий Степанович.

- Алексей, - был ему ответ.

- Илья! - крикнул он сыну, - не зевай, иди к воде, готовь рыбу для ухи.

Василий Степанович развязал рюкзак с посудой и извлек котелок, чайник, миски и ложки. Алексей взял котелок и пошел к реке за водой. Он обратил внимание, что ложки были алюминиевые. Вернувшись с водой, подобрал лежащий топор и отправился искать подходящее деревцо, чтобы из его ствола сделать ложку.

- Ты что это мастеришь? - обратился к Алексею Василий Степанович.

- Хочу сделать поварешку, а может быть, пригодится как ложка.

- Ну- ну, - произнес хриплым голосом рыбак.

Пока Василий Степанович готовил уху, Илья и Алексей нарезали сухой травы и толстым слоем уложили в шалаше.

Уха представляла собой отварную рыбу, которую ели, запивая наваристым бульоном. Самыми вкусными кусочками были жирные брюшки кижуча. Чай заварили травой, листья которой очень напоминали листья клубники, но значительно меньшего размера. Он был бордового цвета и напоминал Алексею вкус каких-то ягод. Каких ягод, он не мог вспомнить. Когда чаепитие подошло к концу, Алексей спросил у Василия Степановича:

- Когда вы приехали жить на Камчатку?

- Я здесь родился, а предки мои были служилыми казаками и в давние времена прибыли из Якутска.

- Неблизкий путь,- удивился Алексей.

- Дед мой сказывал, что на оленях до года уходило на дорогу.

- Неужели ехали с женами и детьми?

Василий Степанович задумался, подбросил в затухающий костер сухой хворост. Огонь вспыхнул ярким пламенем, его языки стали лизать висевший над костром чайник.

- Не думаю, - сказал он после недолгого молчания, - многие брали в жены камчадалок. Если дети в таких семьях умели говорить по-русски, то их зачисляли в казаки.

- Чем же занимались казаки?

- Существовал устав, всех функций казачества мне не перечесть. Их было очень много. Отец сказывал, что до революции он занимался охраной лежбища котиков на мысе Лопатка от браконьеров. Охранникам разрешалось в год добыть двух котиков. При этом одну шкуру должны были сдать в казну, а вторая поступала в личное пользование. В те времена шкуры котиков ценились у купцов очень дорого. В свободное от службы время все занимались охотой и

рыбалкой, поскольку на денежное и хлебное содержание большим семьям прожить было сложно.

Они помолчали, думая каждый о своем. Вечерело. Кое-где звезды стали проклевываться на небе как ростки посаженных в землю семян. Василий Степанович произнес:

- Пойдемте спать, утро вечера мудренее.

Алексей взглянул на небо, вдохнул полной грудью воздух с запахом костра, снял теплую куртку и полез в шалаш. Там улегся на толстый слой травы, как на перину, прикрывшись курткой. Запах травы щекотал в носу, ее стебли покалывали щеки. Он вынужден был подложить под голову шапку. «Какая благодать по сравнению с жестким диваном в каюте» - подумал он, засыпая.

Во сне он видел уток, летающих над озером, и себя, стоящего в камышах на берегу. Вот одна утка отделилась от стаи и летит в его сторону. Он вскидывает ружье, целится и нажимает на спусковой крючок, но звука выстрела не последовало. Утка пролетает над головой и скрывается вдали. Утки несколько раз пролетали над ним, но он не мог произвести выстрела.

Утром, когда Алексей проснулся и вылез из шалаша, уже трещал костер, на котором разогревалась уха и шипел чайник. Солнце выглянуло из-за сопок и приветливо улыбнулось, обещая хороший день. Василий Степанович сидел на корточках, неторопливо ломал ветки хвороста и подбрасывал их в костер. Алексей еще раньше заметил, что все движения рыбака были спокойными и уверенными. Он никогда не суетился, все делал уверенно, но медленно, как бы экономя силы.

После завтрака рыбаки переплыли к другому берегу реки. Здесь около впадающего в реку ручья стояли их сети. Алексей поднялся на невысокий берег около ручья и почувствовал сильный запах протухшей рыбы. Сделав несколько шагов вдоль ручья, увидел десятка два крупных рыбин, разбросанных в траве, которые издавали неприятный запах.

- Василий Степанович! - закричал он, - вы посмотрите, что здесь творится.

Рыбак не спеша подошел к Алексею и, увидев гниющую рыбу, произнес:

- Медведи любят рыбу с душком, вот и заготовили ее себе впрок.

- Вот бы его здесь подкараулить, - произнес Алексей.

- Вряд ли он подойдет сюда, пока мы рядом. У него прекрасное обоняние и слух, - охладил Василий Степанович пыл молодого охотника.

Алексея уже охватили охотничьи страсти. Он понял, почему они разбили бивак на противоположном берегу реки, ему захотелось поискать зверя.

- Сколько времени мы пробудем до отъезда домой? - спросил он.

- До двенадцати часов, думаю, управимся.

- Я хочу пойти поискать медведя.

- Пустая затея, но побродить по нашим местам интересно.

Алексей снял куртку, чтобы легче было ходить, закинул за плечо карабин и зашагал вдоль ручья по тропе, натоптанной медведем. Отойдя метров тридцать, снял карабин с плеча и, держа его в руках наизготовку, осторожно продвигался вперед, внимательно осматривая местность. Берега ручья были заросшими кустарниками, тропа иногда спускалась в ручей, и Алексею приходилось

брести по неглубокой воде. Иногда около его ног стрелой проносились вверх по течению кижучи. В одном месте, поднимаясь из ручья по тропе на косогор, он увидел за бугром всего в десяти метрах от себя гуся, стоящего боком к нему у болота. Он даже успел разглядеть его желтые лапы. Алексей инстинктивно присел и стал размышлять: «Стрелять в гуся или не стрелять?» Натоптанные всюду следы зверя говорили о том, что медведь может быть поблизости, и звук выстрела может спугнуть его. Выглянув из-за бугра, убедился, что гусь стоит на прежнем месте. Немного поколебавшись, выбрал «журавля в небе, а не синицу в руке».

Тропа свернула от ручья и вела его по живописнейшей местности в сторону сопок. Он чувствовал себя как солдат, идущий в разведку. Физически ощущал, что воля собрана в единый кулак. За любым кустом или корягой мог залечь и поджидать его медведь. Надо быть готовым в любой момент вскинуть карабин, главное, не промахнуться. На его пути попадались густые кусты. Он брал карабин наизготовку и обходил их стороной, внимательно всматриваясь в заросли. Вот перед ним среди густого леса раскинулось болото с торчащими из воды корнями погибших деревьев. Его темная поверхность, как зеркало, отражала окружающий мир. Тени коряг и корней погибших деревьев, отражаясь в воде, напоминали сказочных леших и водяных. С ним был фотоаппарат, но, чтобы не производить шума щелчком затвора, решил сфотографировать местность на обратном пути. Когда тропа начала подниматься в сопку среди редкого березового леса, Алексея окружили молодые «танцующие» березы. Их стволы были изогнуты ветрами, как тела балерин во время танца. Он стоял и любовался необыкновенным лесом. Поняв, что ему не суждено увидеть медведя как собственных ушей, повернул в обратный путь.

Рыбаки уже успели выбрать сети и сушили их на воткнутых в землю тычках. Василий Степанович ходил вдоль искусственного забора и аккуратно собирал сети, стараясь не запутать в них поплавки и грузила. На дне лодки подпрыгивали крупные кижучи. Алексей взял одного в руки и попросил Илью сфотографировать его.

Когда лодка подходила к устью реки, глубокую реку Авачу невозможно было узнать. Во время отлива, вода в губе отступила больше чем на сто метров от берега, оголив илистое дно. Река разделилась на множество ручейков, которые пробирались через отмель к заливу. Василий Степанович направил лодку в самый широкий ручей, но он оказался мелким, и вскоре лодка села на мель. Всем пришлось вылезти из лодки и толкать ее до чистой воды около сотни метров. «Вот почему у лодки плоское дно, - подумал Алексей, - шлюпку с ее острым килем здесь не протолкнуть».

По Авачинской губе гуляли небольшие волны, длинная и широкая лодка спокойно переваливалась через них и, не сбавляя скорости, шла в бухту Раковую.

Вахтенный сигнальщик первым увидел приближающуюся к кораблю лодку и сообщил команде. Матросы приготовили веревочный трап и были готовы принять с лодки конец для швартовки. Алексея встретили громкими

возгласами, увидев дно лодки, усыпанное рыбой. Он подал матросам свое оружие и вскарабкался по трапу на палубу. Илья выбросил на палубу несколько кижучей для команды, помахал всем рукой, и лодка отвалила от борта корабля.

Жизнь на корабле текла своим чередом: учения, занятия, тревоги, выходы в море. Алексея ждали приятные сюрпризы. Ему было присвоено очередное воинское звание старшего лейтенанта. Вскоре Николая Семеновича Перминова перевели на Балтийский флот, а Алексея назначили на его место помощником командира корабля. Он не ожидал такого решения и не знал, кому обязан своим повышением. Старался никого не подвести и рьяно взялся за выполнение новых обязанностей.

16

Однажды на корабль пришел капитан третьего ранга Горшколепов с офицером пограничником, представителем рыбнадзора и человеком в штатском, который оказался переводчиком. Они прошли в каюту командира и о чем-то долго беседовали. Командир дивизиона сошел с корабля, а прибывшие с ним люди остались. Корабль стали готовить к выходу в море.

Покинув Авачинскую губу и оказавшись в открытом море, командир приказал взамен военно-морского флага поднять пограничный флаг и вымпел рыбнадзора. Корабль перешел в распоряжение пограничника. Михаил Рузин сказал Алексею, что в наших водах около нейтральной полосы стоит японская плавбаза. Приказано ее досмотреть и выпроводить в нейтральные воды.

- Что она там делает? - удивился Алексей.

- Это плавучий рыбный завод, - пояснил Рузин, - на его борту десятки быстроходных катеров, которые по ночам вылавливают рыбу в наших водах. На плавбазе готовят консервы и периодически отправляют продукцию рефрижераторами в Японию.

Найти плавбазу не составляло большего труда. Корабль лег в дрейф недалеко от нее. Невооруженным глазом было видно, что на палубе плавзавода началась суета. Затем с палубы, как ветром, смело всех любопытных. Между судами начались переговоры флагами по своду международных сигналов. Командир приказал Алексею по радиомаякам нанести на карте их место, а затем спустить на воду шлюпку. В шлюпку спустились пограничник, переводчик, представитель рыбнадзора и Рузин, переодетый в штатский костюм, с картой, свернутой в рулон. Алексей остался старшим на корабле, получив инструкцию, как ему действовать, если группа не вернется через час.

Это был последний случай браконьерства японских рыбаков, с которым столкнулся Алексей. В текущем году была заключена международная конвенция по рыболовству, которая закрепила за государствами участки мирового океана для рыболовного промысла.

Десант с японского рыбозавода вернулся благополучно. На Рузине красовался галстук с изображением обезьяны, длиной много ниже пояса, который подарили ему любезные японцы. В те годы входили в моду такие

экстравагантные галстуки, но в нашей стране их не продавали. Он был доволен подарком, не зная, что этот галстук принесет ему много неприятностей.

Не прошло и месяца со дня посещения Михаилом Рузиным японской плавбазы, как его вызвали в особый отдел. Поднимаясь по крутому склону к зданию штаба, он перебирал в памяти причины, по которым его могли вызвать, но ничего не мог придумать.

В кабинете особого отдела за столом сидел представитель комитета государственной безопасности в звании капитана первого ранга. Когда старший лейтенант Рузин подошел к столу и доложил о своем прибытии, он повернул к нему лежащий на столе американский журнал из лощеной бумаги. К удивлению Рузина, он увидел на странице снимок, на котором узнал себя. На нем был серый костюм и галстук с обезьяной, рядом стояли два японца. «Что за чертовщина?» - подумал Михаил. У него появилась испарина на лице, учащенно забилось сердце, появилось предчувствие беды.

Выждав некоторое время, особист спросил:

- Вы узнаете себя?
- Узнаю, - тихим голосом ответил Рузин.
- Кто люди, стоящие рядом с вами?
- Я их не знаю.
- Как Вы оказались в их компании?

Рузину пришлось рассказать подробно о посещении японской плавучей базы.

Выслушав его, капитан первого ранга назидательно сказал:

- Вы взрослый человек, командир корабля, должны знать, что на всех японских рыболовных судах, промышляющих вблизи наших берегов, есть шпионы ЦРУ. Вы не имели права покидать вверенный Вам корабль. Если была необходимость, должны были послать штурмана.

Разговор длился долго. Вышел Рузин из особого отдела расстроенным и удрученным. Над ним нависли черные тучи. На корабле подробности разговора никому не рассказывал, ходил мрачный и задумчивый. Он ожидал, что его могут уволить с флота. Море было его стихией, ему отданы лучшие молодые годы, строились планы на будущее. Вот теперь все это может рухнуть. Тогда прощай юношеские мечты, а годы учебы в училище и службы на флоте будут выброшены из жизни. Он с нетерпением ждал каждого выхода в море, только там, занятый поиском подводных лодок, забывал о личных проблемах. Иногда, когда он стоял на мостике и вглядывался в окружающий до горизонта океан, вдруг мелькала мысль: «Неужели я последний раз вижу море, чаек, летающих вокруг корабля, касаток, которые сопровождают корабль и резвятся, выпрыгивая из воды, показывая лоснящиеся мокрые спины».

Как в природе пасмурную погоду всегда сменяет ясная и солнечная, так и в жизни. Постепенно тучи над Рузиным рассеялись, он отделался незначительным наказанием и с прежним рвением отдался службе.

В годы службы Алексея международные и внутренние события следовали сплошной чередой. О них писали в центральных газетах, говорили по радио. Совершенствовалось вооружение, менялись доктрины. Все это, в первую очередь, касалось Армии и Флота. Проводились попытки положить начало сокращению вооружений, но они были безрезультатны. Отношения между капиталистическими странами и СССР ухудшались.

Запуск в октябре 1957 года первого искусственного спутника земли изменил расстановку сил.

Советский Союз был окружен кольцом американских военных баз, на которых было ядерное оружие. Страна находилась под прицелом американского оружия, а Америка была неуязвима для СССР.

Теперь Советский Союз стал владеть баллистическими ракетами, которые могли доставить ядерное оружие в любую точку земного шара. Америка утратила неуязвимость.

В этих условиях Советский Союз в одностороннем порядке сокращает свои Вооруженные Силы первоначально на 640 тысяч, а затем на 1,2 миллиона человек.

Это, в большей мере, касалось Флота. Еще в 1955 году ЦК КПСС принял программу строительства Военно-морского Флота, рассчитанную на десять лет. Она включала строительство авианосцев, линкоров, крейсеров и других кораблей и судов. По постановлению Совета Министров СССР в марте 1958 года все эти корабли, построенные и недостроенные, были утилизированы. Иными словами их изрезали на металлолом.

Предпочтение стало отдаваться ракетным кораблям и атомным подводным лодкам.

В этот период началось сокращение офицерского состава Камчатской флотилии. Представители отдела кадров изучали личные дела и проводили беседы с офицерами, предлагали добровольно написать рапорт об уходе в запас.

Однажды в пасмурный день после обеда, когда Алексей собрался воспользоваться временем, отведенным на послеобеденный сон по назначению, к нему в каюту постучали, и вошел капитан первого ранга Кашпур. Они узнали друг друга. После неприятной для обеих встречи у адмирала прошел год. У Алексея замерло сердце, он почувствовал что-то неладное. Такой визит не мог быть случайным.

Кашпур с трудом втиснул свое грузное тело на сиденье между рундуком и столом, положил на стол папку и предложил Алексею присесть напротив него. Разговор начал издалека:

- Как идет служба, товарищ старший лейтенант?
- Хорошо, - ответил Алексей.
- Жалобы есть?
- Никак нет, товарищ капитан первого ранга.
- Два года назад вы лежали в госпитале, как ваше здоровье сегодня?

Алексей понял, что начальник отдела кадров изучил не только его личное дело, но и медицинскую книжку. Стараясь не показать волнения, ответил бодрым голосом:

- На здоровье не жалуюсь.
- Вы не хотели бы перейти служить на берег в другой род войск?
- Никак нет, я окончил морское училище и хотел бы продолжить службу на корабле.

После еще нескольких вопросов капитан первого ранга сказал:

- Мое решение – останетесь вы на Флоте или будете уволены, Вам сообщит командир дивизиона.

Кашпур с трудом поднялся с сиденья и, не простившись, вышел из каюты.

Алексей быстро вскочил с места и проводил его стоя. Когда дверь закрылась, чувствуя себя как после горячей бани, он повалился на сиденье. Настроение было отвратительное, в висках стучала кровь. Он понял, что начальник отдела кадров не простил ему жалобу.

Медленно тянулись дни ожидания своей участи. У Алексея появилась апатия, он стал смотреть на все другими глазами. Раньше чувствовал, что здесь на корабле он на своем месте, что здесь ему все знакомы, им дорожат и он доволен своей жизнью и своим положением. Теперь же почувствовал, что он на корабле человек временный. Небольшим утешением было письмо от Николая Щербаня, который после демобилизации уехал на Украину. Николай все еще живет воспоминаниями о службе на корабле, задает вопросы о сослуживцах, о делах на корабле. В другое время Алексей немедля бы ответил ему, но теперь решил дождаться своей участи.

Когда стал известен список офицеров, направленный в Москву для подписания Главкомом ВМС приказа об увольнении в запас, поток безнадежных мыслей возник в душе Алексея. Он обдумывал свою прожитую жизнь. Корабль любил как живое существо, привязался к нему как к родному дому. Теперь с ним предстояло расстаться навсегда. Его планы на будущее были туманными и неясными. Он, с одной стороны, досадовал на Кашпура, с другой - понимал, что лучше раньше начать новую жизнь. Постепенно пришел к успокоительному решению, что надо все начинать сначала. Озабоченный этими соображениями, чтобы не было тягостным ожидание предстоящей разлуки, оформил очередной отпуск, срок которого уже подошел, и покинул корабль, чтобы получить известие о своем увольнении вдали от Камчатки.

Уезжая, он думал: «Нет, жизнь не кончается в 26 лет. Все, что я знаю, накопленный мною опыт, пригодятся в жизни». Ему казалось, что уехав с Камчатки, сможет забыть корабль и сослуживцев. Но он ошибся. События, которые давно ушли в историю, и годы, отданные флоту, он будет помнить до конца своей жизни.

Рассказы

Любовь и море

Июльское солнце щедро заливало улицы портового города своими лучами. Владивосток притих в ожидании начала празднования Дня Военно-Морского Флота. Все здания были украшены флагами, транспарантами и замерли как в строю, ожидая парада. На улицах были видны лишь редкие прохожие, не было слышно шума городского транспорта. Большинство жителей собрались на Водноспортивной станции ТОФ или уселись у телевизоров в ожидании открытия главного праздника моряков. Неожиданно тишину на улице Ленина нарушил стук женских каблуков по брусчатой мостовой. Две подруги спешили на набережную Амурского залива, чтобы увидеть парад военных кораблей и театрализованное представление на воде. На них были легкие цветные платья с короткими рукавами, которые подчеркивали стройность девичьих фигур и придавали легкость их движениям. Они работали на судоремонтном заводе, и их жизнь тоже была связана с Флотом и кораблями.

- Твой Василий сегодня на берегу или в море? - спросила Нина подругу.

- Прежде всего, он не мой, мы просто дружим,- ответила Люда, - сегодня он на корабле, участвует в параде. Вечером обещал встретиться.

- Не скромничай, он тебя любит, соглашайся выйти за него замуж, а то он может и передумать.

- Вася один раз предложил выйти за него замуж, а я посчитала - нескромно с первого раза соглашаться. Он больше не предлагает.

- Не беспокойся, еще предложит. Вот у меня никого нет. Завидую тебе, подруга, но не обижайся. Это белая зависть.

- Не грусти, Нинуха, будет и у тебя праздник.

Нина родилась в селе Спасском Приморского края. Ее с детства привлекало и тянуло к себе море. Ей хотелось жить на берегу моря, постоянно видеть его просторы, купаться в его объятьях. Чтобы приблизить эту мечту, она выучилась на кораблестроителя, и вот уже второй год жила во Владивостоке и работала по специальности. Подруги еще долго вели разговор на интересующую их тему. Редкая девушка во Владивостоке не мечтала выйти замуж за военного моряка. Так за разговором они пришли на Водноспортивную станцию. Показав вахтерам пригласительные билеты, заняли свои места.

На рейде Амурского залива стояли боевые корабли Тихоокеанского флота, украшенные флагами расцвечивания. Гирлянды флагов тянулись от носовых флагштоков до клотиков мачт и спускались к корме. Они увеличивали контуры

кораблей и создавали праздничное настроение. Команды всех кораблей были выстроены на палубе вдоль борта лицом к берегу. Моряки были одеты по форме номер два. На них были черные брюки, белые бескозырки и фуражки, белые форменки и кителя. Командующий Тихоокеанским флотом на катере уже начал обход кораблей, стоящих в линии парада. Его катер останавливался около каждого корабля, адмирал здоровался с экипажами, поздравлял с Днем Военно-Морского Флота. До берега доносились громкие звуки трехкратного «ура».

Из динамиков звучал голос диктора, который рассказывал о ратной истории Флота. Затем объявил: сейчас будет показан элемент атаки торпедных катеров на крупные боевые корабли.

Неожиданно из-за мыса вылетел как на крыльях торпедный катер и устремился к боевым кораблям. Его скорость была такова, что в воде находилась только корма, нос и корпус приподнялись над водой. Создавалось впечатление, что он вот - вот оторвется от воды и взлетит. Мчась вдоль строя кораблей, он начал ставить дымовую завесу. Белый «туман» за кормой катера поднимался плотной полосой и закрывал обзор с кораблей в сторону моря. Поставив дымовую завесу, торпедный катер развернулся на сто восемьдесят градусов и скрылся за поставленной завесой.

Голос диктора сообщил, что дымовую завесу ставил отличник боевой и политической подготовки старший лейтенант Анатолий Дорохов.

Нина подумала, что в боевой обстановке корабли, стоящие на рейде, должны открыть по катеру ураганный огонь. Постановку завесы командование могло поручить только опытному и смелому командиру торпедного катера. Как интересно выглядит этот Анатолий Дорохов?

В это время со стороны моря появилась группа торпедных катеров, которые под прикрытием дымовой завесы подошли к кораблям на рейде, пронеслись через завесу, атаковали надводные корабли, мгновенно развернулись и скрылись за дымовой завесой.

Диктор сообщил фамилии командиров торпедных катеров. На трибунах царил восторг. Кто-то узнал своих мужей, кто-то знакомых и близких. Нина пропустила мимо ушей все фамилии, она запомнила только одну фамилию Дорохов и думала о владельце этой фамилии.

После показанного учебного боя торпедных катеров началось театрализованное представление. На воде появились сотни плывущих моряков, у всех на голове были белые береты. Они плыли с транспарантами и портретами. По их расположению на воде можно было читать лозунги. Представлением руководил Бог морей Нептун. Он с длинной бородой и трезубцем в руке гордо восседал на троне, который медленно плыл по заливу в окружении слуг и подданных.

Когда девушки возвращались домой, улицу невозможно было узнать. Она было заполнена народом. Начиналось массовое гуляние, звучала музыка знакомых мелодий. Люда была веселой и оживленной. В восемнадцать ноль-ноль ей было назначено Василием свидание около Дома офицеров. Нина шла молча, не обращая внимания на несмолкаемое щебетание подруги.

- Что с тобой происходит? - не выдержала Люда, - о чем ты мечтаешь?
- Как ты думаешь? Какой он из себя? - на вопрос ответила вопросом Нина.
- Ты о ком говоришь, подруга? - спросила Люда.
- О Дорохове.
- Кто такой Дорохов? - удивилась Люда.
- Командир катера.
- Какого катера?
- Торпедного катера, который ставил дымовую завесу.
- Ты что с ним знакома? - заинтересовалась Люда.
- Нет, не знакома.
- Почему тогда тебе знакома его фамилия?
- Ее объявил диктор во время морского парада, - ответила Нина.
- И ты ее запомнила? - удивилась Люда.
- А ты разве не запомнила? - спросила Нина.
- Нет, не запомнила.

Подруги замолчали, думая каждая о чем-то своем. . .

Корабельноремонтный завод работал как заведенный механизм. Работая инженером технологом, Нина принимала заявки на ремонт кораблей и подводных лодок, составляла графики постановки их в док. Однажды ее внимание привлекла заявка на ремонт в доке торпедного катера. В ее памяти всплыли события празднования Дня Военно-Морского Флота. «Может быть это катер Дорохова?», - промелькнула мысль в ее сознании. На душе стало радостно и тревожно. Под этим впечатлением застала ее Люда, когда вошла в кабинет.

С волнением в голосе и радостным блеском в глазах Нина сказала подруге:
- К нам в док поступает торпедный катер!
- Чему ты радуешься, подруга? - удивилась Люда.
- Это, наверное, катер Дорохова.
- Какого Дорохова? - еще сильнее удивилась Люда.
- Ты разве не помнишь? В День Военно-Морского Флота он ставил дымовую завесу, - ответила Нина.
- Мне кажется, что у тебя, Нина, не все в порядке с головой.
- Это почему же?
- На флоте сотни торпедных катеров. Почему этот катер должен быть обязательно Дорохова?
- У меня такое предчувствие.
- Его бортовой номер или воинская часть тебе известны?
- Нет, не известны.
- О чем тогда разговор?

Подругами долго спорили , каждая отстаивала свою позицию. . .

На следующий день в дверях кабинета Нины появился молодой офицер среднего роста. Он остановился в дверях и произнес:
- Разрешите войти?

Нина обратила внимание на его стройную, подтянутую фигуру. От ее взгляда не ускользнули хорошо выглаженные брюки и тщательно начищенные

ботинки. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами и думала: «Неужели это он?». Посетитель заметил ее замешательство, приветливо улыбнулся и повторил свою просьбу:

- Позвольте войти?

- Да, конечно, входите! - спохватилась Нина.

Старший лейтенант прошел к столу и присел на предложенный ему стул. Он достал из внутреннего кармана кителя бумаги и протянул их Нине со словами:

- У меня предписание пройти ремонт в вашем доке. Когда я могу поставить катер в док?

Нина развернула документы, ее взгляд выхватил из текста только фамилию - Дорохов. Не читая текста, она произнесла:

- Не может быть!

- Что не может быть?- удивился моряк.

- Неужели Вы Дорохов?

- Собственной персоной перед Вами, - ответил старший лейтенант и добавил: - прошу любить и жаловать.

Нине понравился его спокойный, уверенный тон, улыбка на лице и внимательный взгляд. Внутренне она была готова ответить согласием на его шутливое предложение: «любить и жаловать». В то время осуждались девушки, которые первыми шли на сближение с мужчинами. О них говорили – «Вешается на шею мужчине». Автор здесь не имеет в виду интимные отношения. Они допускались только после свадьбы. Нине хотелось сказать, что время покажет, но вместо этого произнесла:

- Завтра из дока выходит подводная лодка, будьте готовы к постановке в док.

Дорохову понравилась симпатичная брюнетка с короткими пышными волосами. От него не ускользнуло ее замешательство при его появлении в кабинете. Он понимал, что она не случайно запомнила его фамилию, в ее глазах видел не праздное любопытство к нему, а чувства, которые пока не мог понять и оценить. В его планы не входило знакомиться и уделять внимание первой встретившейся девушке, поэтому он продолжил разговор официальным тоном и, распрощавшись, удалился.

После окончания работы подруги поднимались по крутому подъему от бухты «Золотой рог» к главной улице города. Была пасмурная погода, моросил мелкий дождь. Стоял тот период года, когда ветер приносил влагу со стороны морских просторов и щедро одаривал ею приморский город. Люда спросила:

- Виделась со своим Дороховым?

Нина пожала плечами и промолчала.

- Почему столько грусти в голосе? Что случилось? - допытывалась Люда.

- Плохая погода действует на меня.

- Рассказывай, не томи.

- Он какой-то официальный и твердый как сухарь.

- Офицер таким и должен быть, - назидательно сказала Люда.

- Представь себе, что он не захотел поговорить со мною, оформил документы на постановку катера в док и вежливо распрощался.

- Тебе хотелось, чтобы он с каждой встречной девушкой разводил «Тары-бары?»

Девушки долго вели разговор на тему, которая интересует каждую незамужнюю женщину. Нина сделала вывод, что черта характера Дорохова, которую она приняла за недостаток, является положительной.

Во время ремонта катера Дорохов почти каждый день встречался с Ниной, перебрасывался несколькими фразами, но не вступал в длинный разговор. После завершения ремонта зашел проститься и отбыл к месту базирования в бухту «Разбойник». Здесь он стал часто вспоминать Нину. Она бередила его душу. Чем больше он думал о ней, тем больше она ему нравилась. Он не раз пожалел, что не пригласил ее в кино или на танцы.

Нина также часто думала о Дорохове. Если мысли материальны, как утверждают некоторые ученые, и могут передаваться на расстояние, то их мысли обязательно встречались где-то в пространстве между Владивостоком и бухтой Разбойник, а затем долетали и до их душ.

Прошло несколько месяцев после знакомства с Ниной. Анатолий Дорохов был приглашен на свадьбу к своему сослуживцу Виктору Алексееву. К его удивлению среди приглашенных гостей была Нина. Он подошел к ней как к старой знакомой, вытянулся по струнке и поздоровался, наклонив голову. Затем протянул к ней руку. Нина положила в его ладонь свою. Толя наклонился и поцеловал ее руку. Лицо Нины залилось румянцем от смущения. Она была рада этой встрече, ее душу наполнило предчувствие счастья, о котором она мечтала. Толя не отходил от нее ни на шаг. За стол сел рядом и постоянно ухаживал за Ниной. Она обратила внимание на его манеры и подумала, что не зря говорят, что в военно-морском училище обучают курсантов манерам хорошего тона.

Когда начались танцы, Толя танцевал только с Ниной. Он был прекрасным партнером. Водил Нину легко и свободно. Во время вальса мог кружиться в обе стороны. В его движениях чувствовалась выучка, полученная на курсах бальных танцев в училище. Он много говорил, старался развлекать ее рассказами о себе. К концу вечера она уже знала, что он родился в Новосибирске, окончил среднею школу №40. Много читал о морских открытиях, о победах русского флота в сражениях, мечтал продолжить традиции прославленных моряков. После окончания школы, по зову сердца, приехал во Владивосток вместе со своим одноклассником Мишей Беляковым и поступил учиться в Высшее военно-морское училище. Его родители жили в Новосибирске около площади Станиславского.

Нина думала, что случайных встреч в жизни не бывает. Она встретила человека с родственной ей душой. Видимо, судьбой было предначертано встретить ей Дорохова, любовь к которому зародилась до знакомства с ним.

Вечером Толя проводил Нину до ее дома и назначил свидание в следующее воскресенье. После трех встреч Дорохов посчитал, что пора делать Нине предложение выйти за него замуж. Предложение было принято, и они поженились.

Их медовый месяц не успел закончиться, как командование Тихоокеанского флота решило перебазировать торпедные катера из бухты Разбойник. Катера погрузили на транспорт и вместе с личным составом отправили на Камчатку.

Нина, выходя замуж за морского офицера, предполагала, что будут перемены места службы мужа, но не думала, что это будет так скоро. Она подала заявление об увольнении с работы, чтобы немедленно следовать за Толей. Но не тут-то было. Ей отказали в немедленном увольнении. Пришлось подать заявление под роспись и отработать установленный законом срок.

Пароход «Русь» подал два гудка паровым свистком, и буксир медленно стал отводить его от стенки морского причала. Пассажиры толпились на верхней палубе парохода, махали руками и платками провожающим их знакомым и близким. Нину пришла проводить ее подруга Люда. Когда среди толпы на причале уже нельзя было разглядеть Люду, Нина перевела взгляд на панораму города. Сразу за причалом был виден железнодорожный вокзал, дальше, за вокзальной площадью, по склону сопки поднимался сквер, в котором она любила сидеть на лавочке и любоваться посаженными на газонах розами. Выше на сопке ступенями размещались жилые дома. «Когда я вновь увижу эти знакомые и дорогие сердцу места? - думала Нина, - и каков город Петропавловск-Камчатский?»

Пароход медленно шел по заливу Золотой рог. Слева был виден мыс Голдобина, справа возвышался мыс Энгершельда. Нине часто приходилось бывать в этом районе Владивостока. Там проходит улица Портовая, с которой открывается прекрасная панорама на залив Петра Великого. Она разглядывала дома на склоне сопки и думала: «Скоро ли я вернусь в этот город, который успела полюбить и прикипела к нему сердцем». Ей было тогда неведомо, что вернется она во Владивосток только через двадцать долгих лет. Когда пароход вышел в залив Петра Великого, по левому борту открылся остров Русский. Нина вспомнила экскурсию на этот остров. Ее тогда поразила палубная артиллерия, снятая с одного из кораблей, участвовавшего в Цусимском сражении, и установленная на острове. Диаметр стволов был 450 мм. Каждый квадрат моря, в пределах дальности стрельбы орудий, был пристрелян. Ни одно вражеское судно не могло подойти безнаказанно к острову, защищающему подступы к Владивостоку.

Пока Нина предавалась воспоминаниям, пароход вышел в Японское море и взял курс к острову Сахалину, чтобы пройти заливом Лаперуза, разделяющим Сахалин и японский остров Хоккайдо, в Охотское море. Погода благоприятствовала плаванию. Солнце щедро отдавало свое тепло морю и пароходу. Слабый северо-восточный ветер не приносил прохлады. Все металлические надстройки были настолько нагреты, что руки с трудом терпели это тепло. Нина подумала: «Хорошо бы сейчас искупаться в море, вода, наверное, теплая как парное молоко». Она очень хорошо плавала и была большой любительницей купаться в море. Ее взгляд привлекли дельфины, которые сопровождали пароход и забавляли пассажиров групповыми прыжками из воды. Нина много читала о дельфинах, и всегда у нее оставался неразрешенным вопрос: почему эти животные стремятся к людям, иногда даже

спасают тонущего человека? Дельфины так же внезапно исчезли, как и появились. Нина пошла в каюту, взяла книгу и попыталась читать, но ее мысли улетали на Камчатку. Она думала о Толе и строила планы совместной жизни на полуострове. Ее не страшила отдаленность от материка. Главное быть рядом с любимым человеком и морем.

Ее размышления прервал голос диктора, который объявил, что пароход проходит проливом Лаперуза. Нина, как и многие пассажиры, поспешила на палубу. С левого борта прекрасно просматривался Сахалин. По правому борту не очень ясно были видны очертания японского острова. Среди пассажиров царило оживление. Теперь они смогут рассказывать своим друзьям, что видели Японию.

Во время рейса был еще один случай, который Нина запомнила на всю жизнь. В Охотском море пассажиры увидели фонтаны китов. Морские исполины периодически появлялись на поверхности воды, пускали фонтаны и вновь исчезали под водой. Животные, видимо, окружили косяк рыбы и устроили пиршество.

В Авачинскую губу «Русь» входила во второй половине дня. Нину поразил суровый и величественный пейзаж полуострова. На горизонте были видны вершины вулканов, покрытые снегом в разгар лета. Отвесные скалистые берега входа в губу были неприступными для человека. Недалеко от входа из воды поднимались три пирамидальных скалы, которые кто-то из пассажиров назвал кекурами. По левому борту из воды поднимался небольшой скалистый островок Бабушкин камень, на котором сидело множество всевозможных морских птиц. Около него летали изящные быстрокрылые чайки, с его уступов слетали черные тяжелые бакланы, на воде плавали неизвестные Нине породы уток. С давних времен птицы облюбовали остров для гнездования. Такие массовые скопления птиц называются птичьими базарами. Слабый ветерок со стороны заснеженных сопок обдувал пассажиров прохладой. Нине стало холодно, и она пошла в каюту, чтобы одеться теплее. Когда она вернулась на палубу, пароход подходил к причалу. Она не смогла увидеть панораму города, который растянулся вдоль бухты на несколько километров. Ее взгляд остановился на военных кораблях, которые стояли в длинный ряд кормой к причалу. Она узнала самые современные той поры эскадренные миноносцы пятьдесят шестого проекта. Оторвав взгляд от боевых кораблей, перевела его на причал. Толя стоял с большим букетом цветов среди встречающих пароход.

Пассажиры по одному спускались с парохода по крутому трапу. Не успела Нина поставить ногу на причал, как оказалась в объятьях мужа. После поцелуев Толя подхватил чемодан, взял Нину под ручку, и они пошли улицей, поднимающейся по крутому склону сопки.

Комната, которую снял Толя в частном доме, имела отдельный вход. Из окна хорошо просматривался причал и открывалась панорама Авачинской губы. Стол был накрыт на две персоны, стоял букет цветов и бутылка шампанского. «Как хорошо, что из окна можно любоваться морем», - подумала Нина.

- Сейчас мы с тобой перекусим, а вечером я приглашаю тебя в ресторан, расположенный на «Сопке любви», - сказал Толя.

- Почему сопка носит такое название?

- Не торопи события, я покажу тебе город и все его достопримечательности, - произнес Толя, приглашая супругу к столу. . .

Молодая счастливая пара шла по главной улице Петропавловска-Камчатского. Они свернули в небольшой сквер, где возвышалась на пьедестале колонна, на которой установлен глобус. Это памятник Витусу Берингу – основателю города. Перед памятником на каменном лафете ствол пушки напоминал о времени обороны города в 1854г. от французов и англичан.

У подножья Никольской сопки, расположенной недалеко от центра города, они подошли к высокой стеле – памятнику воинам, погибшим при освобождении Курильских островов в августе 1945 года. Подъем на сопку оказался довольно крутым. На ней располагался Парк культуры и отдыха с рестораном и танцплощадкой, на которой играл духовой оркестр. В народе за сопкой закрепилось название «Сопка любви».

Дороховы жила дружно и счастливо в заботах друг о друге. У них родился сын Игорь, они получили квартиру на улице Советской. Нина очень любила море и радовалась, что в любой момент могла его видеть из окон своей квартиры.

В 1962 году начался очередной этап сокращения Военно-Морского Флота. Торпедные катера Камчатской флотилии продали Индонезии, погрузили на транспорт и отправили за рубеж. Офицеры остались не у дел. Дорохову предложили перейти служить в береговую оборону, но он отказался. При собеседовании заявил:

- Я окончил военно-морское училище, и зеленые галифе не надену.

Тяжелые чувства одолевали Анатолия. Он понимал свою ответственность перед женой и сыном. Офицер не имеет права сам искать работу. За него это решает начальство. Мучительно долго тянулись дни ожидания своей участи. Когда ему предложили поступить в распоряжение командования войск под названием «Москва-400», дал согласие. С Ниной они решили, что служить под Москвой лучше, чем на краю света в береговой обороне.

Не прожив на Камчатке двух лет, семья Дороховых вылетела самолетом ТУ-104 из аэропорта Елизово в Хабаровск, а затем в Москву. Нина смотрела в иллюминатор на камчатские сопки, необъятную морскую даль и думала: «Вернемся ли мы когда-нибудь к берегам Тихого океана?».

«Москва-400» оказалась «Управлением Стратегических межконтинентальных войск». Дорохова направили служить в ракетную часть, расположенную в глухой тайге на границе с Коми. В этой части служило много бывших моряков. При построении офицеров зеленая одежда чередовалась с черной морской формой. Анатолий два года щеголял в ней, пока не вышел срок ее носки.

Бывший моряк прослужил восемнадцать лет в одной ракетной части. В отставку уходил с должности заместителя командира полка. Местом постоянного жительства Дороховы выбрали Владивосток – город своей юности и любви. Здесь прошли их лучшие годы, здесь они встретились и полюбили друг друга. Их тянуло к себе море, город, где их свела судьба, где проживали многие Толины однокашники.

Они получили квартиру в доме, расположенном на Орлиной сопке. Из окон открывается вид на бухту «Золотой рог». Теперь они до конца жизни будут неразлучными с морем и городом, в котором им суждено было встретиться в молодости. Нина любила выйти на балкон, опереться на перила и любоваться заливом, кораблями и теплоходами. Толя, бывало, подойдет к ней, обнимет ее за плечи и скажет:

- Я счастлив, Нина, что случайно встретил тебя.

- Случайных встреч, Толя, не бывает. Видимо, было суждено Богом встретиться нам и прожить счастливую жизнь.

Женька-крысолов

В курсантском кубрике стоял гул, как в пчелином улье, царило радостное оживление. Сто двадцать человек готовились к первому длительному плаванию. Каждому надо было успеть погладить выходную форму и аккуратно уложить в рундук (походный морской брезентовый саквояж), сдать в стирку постельное белье, отнести на склад матрас и одеяло, а, главное, пришить на рукав форменки две галочки, означающие переход на второй курс обучения.

Женя Харитонов, пришивая галочки, мечтал, как после месячного плавания приедет домой в Новосибирск в красивой морской форме, обязательно сходит в школу, чтобы покрасоваться перед учителями и школьниками.

Его сосед по койке Альберт Матросов скатал одеяло в рулон – так на склад нести удобнее, немного подумал и ударил им Женю по спине. Женька не мог остаться в долгу. Он моментально скатал свое одеяло, и у них началась потасовка, во время которой опрокинулась двухъярусная кровать. Раздались крики и смех курсантов, наблюдавших за поединком.

В это время в кубрик вошел командир роты майор Бушуев. Его глаза расширились от увиденного беспорядка, душа негодовала.

Дневальный, стоящий у дверей, вытянулся по стойке «смирно», приложил руку к бескозырке и начал докладывать:

- Товарищ майор . . .

- Отставить доклад, - раздраженно произнес командир роты, - сыграйте построение.

Дневальный снял с груди боцманскую дудку и заиграл построение.

Когда рота была построена в две шеренги, майор произнес длинную воспитательную речь. Курсанты второй шеренги прятали улыбающиеся лица за спины товарищей. Стоящие в первом ряду с трудом сдерживали улыбки и смех – они знали, что за смех в строю можно получить наряд вне очереди от щедрого на наряды командира роты. Речь майора закончилась словами: «одеялу надо беречь, одеялу дают один раз на два года».

Майор до войны окончил всего три класса начальной школы. Его речь всегда потешала курсантов. После произнесенной тирады он приказал Матросову и Харитонову выйти из строя.

- За небережливое отношение к казенному имуществу объявляю по два наряда вне очереди. Будете «гульюн» драить, - самодовольно произнес майор.

После этого он приказал роте разойтись. Штрафники сильно не тужили - сегодня во второй половине дня рота должна быть на пароходе, а майор уйдет в отпуск.

Бушуев во время войны отличился храбростью, имел много боевых наград, окончил краткосрочные курсы командиров и к концу войны командовал ротой морской пехоты. Бригада, в которой он служил, готовилась к высадке на японские острова. К сожалению, наши корабли опоздали – американские войска высадились в Японии раньше. После расформирования роты его направили в военно-морское училище, чтобы дать возможность дослужить до пенсии.

Штурманскую практику курсанты проходили на пароходе «Енисей». Огромный трехпалубный пароход достался нашей стране в качестве контрибуции после войны с Японией. Это был прогулочный пароход императора Микадо и назывался «Мицу Мари». Его залы были облицованы мрамором с изображением драконов и разных национальных орнаментов. В этих залах для каждого курсанта стоял стол с картой для прокладки курса парохода. Маршрут «Енисея» проходил от Владивостока вдоль восточного берега материка до Советской гавани, затем через Татарский пролив к острову Сахалину. В Углегорске пополнили запасы угля и продолжили путь вдоль Сахалина на юг. Через пролив Лаперуза вышли в Охотское море, чтобы вдоль Курильских островов следовать на Камчатку.

Кроме штурманской практики курсанты несли вахту на всех боевых постах. Самой трудной была вахта в котельном отделении. В котлах сжигался каменный уголь, который надо было тачками подвозить, затем лопатами забрасывать в раскаленные топки. Пароход имел двойной корпус. Между наружным и внутренним бортами размещались бункера с углем.

Женька, раздетый до пояса, обливаясь потом, забрасывал уголь в топку и постоянно повторял слова песни: «огни в твоей топке совсем не горят».

Вскоре выяснилось, что вахта у котлов не самое тяжелое испытание для курсантов. Около города Углегорска «Енисей» стал на якорь для пополнения запаса угля. К его борту пришвартовалась баржа, груженая углем. Устройство парохода предусматривало только ручную погрузку угля. Курсанты лопатами насыпали уголь в мешки. Они, как муравьи, облепили гору угля. На баржу были спущены два трапа. По одному - курсанты вереницей спускались с парохода, каждому на спину их товарищи взваливали мешок угля, с которым они по другому трапу поднимались на палубу парохода, подходили к люкам в бункера, где двое курсантов помогали снять мешок и высыпать уголь в бункер. С пустыми мешками они следовали вновь на баржу.

Во время стоянки в Советской гавани были проведены шлюпочные гонки на десятивесельных катерах. Катерами называются шлюпки, у которых нос и

корма имеют одинаковые обводы. После гонок курсанты спустили на воду венок в месте затопления знаменитого фрегата «Паллада».

Преподаватель астрономии капитан второго ранга Н. Я. Увалов рассказал своим воспитанникам удивительную и полную приключений долгую жизнь последнего парусного фрегата русского флота.

. . . Фрегат был построен в 1831 году и назван в честь греческой богини Афины Паллады. Первым его командиром был капитан-лейтенант П. С. Нахимов, будущий герой Крымской войны. Корабль входил в состав эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена, открывшего Антарктиду.

Позже фрегат использовали для выполнения ответственного задания - доставки в Японию миссии во главе с адмиралом и дипломатом Е. В. Путятиным, который должен был заключить торговый договор с этой, еще мало известной для иностранцев, страной.

Секретарем посла был И. А. Гончаров, к тому времени уже известный писатель. После успешного завершения переговоров и возвращения на родину Гончаров издал обширный труд под названием «Фрегат Паллада».

Война России с Англией и Францией застала фрегат в Тихом океане. Вражеская сторона располагала в этом районе Мирового океана сильным флотом. Из Петербурга пришло предписание в бой не вступать, а уйти фрегату в устье Амура. Корабль укрылся в Императорской (ныне Советской) гавани. Путятин и Гончаров вернулись в столицу по суше. Через год, из-за множества течей в корпусе, ветеран парусного флота был затоплен. . .

Все свободное время курсанты проводили на палубе. Здесь же на свежем воздухе предпочитали обедать. В вечернее время свободные от вахты курсанты собирались на корме парохода. Володя Яковлев, будущий капитан первого ранга и военно-морской атташе во Франции, приносил аккордеон, и неслись до отбоя над голубой гладью бухты морские песни. Иногда в перерыве между песнями кто-нибудь скажет:

- Женя, расскажи анекдот.
- Из какой серии? – невозмутимо спросит он.

Сразу несколько голосов называли темы: «про женщин, про Чапаева, про чукчей, медицинские».

Женя доставал из кармана блокнот, в котором несколько сот анекдотов записаны по темам, и, взглянув только на заголовок анекдота, начинал с серьезным видом рассказывать. Он менял интонацию, делал небольшие остановки, чтобы дать слушателям посмеяться. При этом на его лице не дрогнул ни один мускул.

Способности Харитонова не ограничивались умением рассказывать анекдоты, он был инициатором многих шуток. Курсанты такие шутки называли «хохмами». Однажды в дождливую погоду курсанты в кубрике играли в домино и шахматы, очередники на игру скучали от безделья. Альберт Матросов улегся спать до отбоя и его храп звучал аккомпанементом стуку костяшек домино по металлическому столу. Неожиданно Женька предложил:

- Давайте зашьем одну штанину робы Матросова. Утром вдоволь посмеемся.

Инициатива была поддержана. Быстро нашлись иголка и нитки. Штанина брюк была прострочена в районе колена. Утром Альберт долго прыгал на одной ноге, пытаясь просунуть в штанину вторую ногу.

Вместе с пароходом «Мицу Мари» нашему флоту досталась масса крыс в его помещениях. Ночью крысы бегали в кубрике по трубопроводам, проложенным вдоль бортов парохода, иногда срывались и падали на спящих курсантов. Некоторые курсанты занялись отловом крыс петлями. За пойманную крысу полагалось два дня дополнительного отпуска. Добычу относили к доктору, который записывал в журнал фамилию «охотника» и приказывал жертву выбросить в иллюминатор.

Когда Алексей Катков утром вынул из петли крысу, к нему подошел Женя Харитонов с предложением:

- Иллюминатор медпункта находится над четвертым иллюминатором нашего кубрика. Крысу не бросай далеко в море, а опусти вдоль борта. Я поймаю ее сачком.

Идея была понята и одобрена. Катков понес крысу в медпункт к доктору, а Харитонов высунул в иллюминатор сачок, сделанный из алюминиевой проволоки и сетки, найденными на берегу. Вскоре крыса оказалась в сачке. Женька от удовольствия потер руки и отправился к доктору. Все присутствующие в кубрике захотели таким способом получить дополнительный отпуск. В тот день к доктору зачастили «крысоловы». Это вызвало у него подозрение, а, может быть, он узнал по внешнему виду крысу. Когда к нему пришел очередной курсант, он взял ножницы и отрезал крысе кончик хвоста. На этом закончилась инициатива Харитонова, а за ним закрепилось прозвище Женька-крысолов.

Содержание

Повесть

Флотские будни

Рассказы

Любовь и море
Женька - крысолов

Кайков Альберт Сергеевич

Флотские будни

Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки – Мыслин О. Г.
Корректор – Рябышева Э. И.
Компьютерная верстка –
Руководитель проекта – Пендюрина Т. В.

Редакционно- издательский центр «Светоч» правления Новосибирской
Областной организации «Общества книголюбов».
Ул. Писарева, 20, тел. :(383) 2- 247- 375